

**Стенограмма парламентских слушаний на тему
«Совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере защиты детей
от посягательств на половую неприкосновенность»**

30 марта 2018 года

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уважаемые участники парламентских слушаний! Мы можем начинать наши парламентские слушания. Вам роздана программа парламентских слушаний. Я хотела бы обратить внимание, что регламент для выступающих – до семи минут (пять – семь минут). Очень большая просьба придерживаться регламента.

Вам роздан проект рекомендаций. Предложения к нему вы можете, если будете выступать, устно озвучить, это будет отражено в стенограмме. Мы выборку из стенограммы сделаем. Если вас не затруднит и вы сделаете письменные замечания – пожалуйста. Срок для сбора письменных замечаний к проекту рекомендаций – до 6 апреля, то есть до следующей пятницы. Затем мы обработаем эти предложения. Рекомендации сначала окончательно будут одобрены на заседании рабочей группы, с тем чтобы затем уже представить Комитету по конституционному законодательству и государственному строительству для утверждения. Это основные моменты.

Мы предлагаем открыть парламентские слушания.

Андрей Александрович, Вы так и не посчитали количество участников. Сколько? Подали заявки 92 участника, а фактически у нас участвует (сейчас нам скажут) 68 из 17 субъектов Российской Федерации.

Могу сразу поблагодарить от комитета всех, кто посчитал эту тему очень важной, будет вместе с нами сегодня работать, и тем более тех, кто нашел возможность приехать из субъектов Российской Федерации.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Вступительное слово предоставляется Елене Борисовне Мизулиной, заместителю председателя нашего комитета, доктору юридических наук, профессору, специалисту, который много-много лет занимается этой чрезвычайно важной проблемой.

Пожалуйста, Елена Борисовна.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Алексей Иванович.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Хотя мы все знаем Елену Борисовну и представлять ее, наверное, избыточно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уважаемые участники парламентских слушаний! Мое вступительное слово, или доклад, – об итогах работы рабочей группы. Напомню, что в ноябре прошлого года (22 ноября 2017 года) Совет Федерации принял постановление о создании рабочей группы по совершенствованию мер, направленных на пресечение посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

В состав этой группы вошли семь членов Совета Федерации, 16 экспертов и специалистов, в том числе от Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратуры, от Института возрастной физиологии Российской академии образования, медицинского центра имени Сербского, Московского государственного юридического университета имени Кутафина, три представителя некоммерческих организаций, которые занимаются в том числе мониторингом и выявлением такого рода преступлений в информационно-телекоммуникационных сетях и обеспечивают защиту жертв таких преступлений, и два приглашенных эксперта – это представители Следственного комитета (в этот раз они в таком статусе изъявили желание работать с нами) и Московского государственного университета.

С ноября нами было проведено четыре заседания и прежде всего подготовлена концепция пакета законопроектов, предусматривающих изменения в девять федеральных законов. Нами при подготовке концепции было просмотрено более 100 предложений, поступивших инициативно в комитет, и отобрано 45 логически взаимосвязанных предложений. Они легли в основу концепции пакета законопроектов и рабочих версий двух законопроектов – о внесении изменений в Уголовный кодекс и в Уголовно-процессуальный кодекс и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Сейчас это шесть законопроектов (но не исключаю, что их будет больше), они тоже подготовлены и сейчас насчитывают в общей сложности 105 поправок в наши федеральные законы.

Что это за законы? Помимо, конечно, Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов это Закон Российской Федерации "О средствах массовой информации", Федеральный закон "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании", Уголовно-исполнительный кодекс, Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", Федеральный закон "О полиции" и Федеральный закон "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы". Но мы одновременно, поскольку были предложения, смотрели в системе закон об основах охраны здоровья граждан. И сейчас возникла необходимость еще проанализировать положения

Федерального закона № 436 "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию". Похоже, что туда придется вносить поправки. И также закон об основных гарантиях прав ребенка, в который тоже, скорее всего, придется вносить поправки (там сейчас достаточно много конкретных норм), поскольку есть ряд положений, которые можно расшифровать и прописать именно там.

Почему возникла необходимость создания рабочей группы? Кстати, замечу, что парламентские слушания были запланированы комитетом, это не является чем-то горящим. В конце прошлого года, когда формировался план парламентских слушаний и "круглых столов" на весеннюю сессию этого года, наш комитет внес предложение на заседании Совета палаты (и это было поддержано) о проведении в апреле парламентских слушаний по этой теме. Поскольку они не проводились в прошлом и позапрошлом годах и возникла необходимость мониторинга нового законодательства и его обсуждения, что происходит. К тому же очень много обращений к нам, сенаторам, в Совет Федерации.

Казалось бы, с 2009 года принят ряд законов, очень существенно изменивших, скажем так, правовое обеспечение сферы, связанной с совершением такого рода преступлений против несовершеннолетних (все они очень важные, большая часть изменений внесена в Уголовный кодекс), но тем не менее, к сожалению, уровень преступности не снижается. И очень большое недовольство граждан относительно того, что же в итоге, — даже тогда, когда выявляется преступление, когда находят и наказывают виновного, наказание бывает все равно зачастую так мало, что не понятно, что происходит: вроде меняем законы, а ситуация не очень-то сдвигается с места.

Эти шесть законов тоже проходили с очень большим трудом в свое время, и фактически они в подавляющем большинстве либо депутатские, либо первоначально были депутатскими, потом некоторые из них стали правительственными и были приняты. Но они касались решения застаревших проблем, связанных с возрастом потерпевших от этих преступлений. Удалось по ряду преступлений поднять его с 14 до 16 лет, ввести категории особо защищаемых, малолетних, лиц, не достигших 14 лет. То есть у нас сегодня получилась большая градация — малолетние, не достигшие 14, не достигшие 16, не достигшие 18 лет.

Кроме того, была очень большая борьба, вы помните, вокруг такого положения Уголовного кодекса, как заведомость применительно к возрасту потерпевшего, которое фактически препятствовало своевременному выявлению и возбуждению уголовного

преследования, поскольку сразу, как только поступает сигнал или сообщение о факте такого рода деяния, нужно было еще и доказательство того, что возраст... и не просто возраст, а что предполагаемому или будущему подозреваемому было заведомо известно, что он совершает деяние в отношении малолетнего или несовершеннолетнего.

Соответственно, ряд вопросов и рабочая группа в процессе своей работы выявила. Очевидно, что нужно совершенствовать законодательство, но направления совершенствования должны быть несколько другими. И эти основные направления мы сформулировали в нашей концепции и в рамках двух законопроектов. Их в целом шесть. Это основные, концептуальные направления совершенствования.

Во-первых, это усиление мер защиты несовершеннолетних 14–15 лет, то есть не достигших 16 лет. Обратите внимание, это сейчас, как оказалось, самая незащищенная группа, хотя в структуре преступлений данной категории сегодня каждый третий потерпевший ребенок – 14–15 лет, а с учетом 13-летних это вообще каждый второй, то есть половина преступлений совершается прежде всего в отношении этой категории. Но если 13-летний ребенок хотя бы попадает в группу особо защищенных, включающую преступления (теперь они объединены в одну категорию из главы 18 и главы 25, это очень правильно, я думаю, и для правоприменителей удобно) против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет (то есть попадают только дети, достигшие 13 лет), то 14–15-летние фактически выпадают. Хотя при этом, по сегодняшней Международной классификации болезней 10-го пересмотра, например, расстройство сексуального предпочтения – педофилия, половое влечение к детям, как правило, проявляется по отношению не только к детям младше 12–14 лет, но и к мальчикам 13–16 лет (они, получается, у нас незащищенные). Девочки немножко раньше созревают, в 12–14 лет, но 14-летняя девочка тоже не попадает сегодня в группу особо защищенных по уголовному законодательству.

Одновременно если мы посмотрим данные... Я даже взяла, например, данные Судебного департамента при Верховном Суде. К сожалению, полных данных ни у кого нет, до сих пор со статистикой остаются проблемы, хотя очень многое уже в лучшую сторону, скажу так, развивается. Возьмем одну статью, предусматривающую ответственность за наиболее распространенные преступления в этой группе, – статью 134. За четыре года (мы посмотрели данные за 2013–2016 годы) число осужденных выросло почти в четыре раза. Я сразу оговорюсь, что я не взялась бы утверждать, что речь идет о росте преступности и так далее. Нет. Вполне

возможно (это важная здесь аналитика), что это связано... Ведь эта сфера очень латентная, очень скрытая, трудно выявлять, детей очень трудно разговаривать. Так вот, вполне возможно, и наверняка в этом доля правды есть, что это просто более профессионально, более напористо работают сегодня правоохранительные органы – и Следственный комитет, и МВД, у них появился некоторый правовой инструментарий, потому что большинство преступлений этой группы переведены в категории тяжких и особо тяжких, поэтому специалисты понимают, что дает такого рода категоризация этих преступлений. И с 2012 года подавляющее большинство преступлений, предусмотренных статьями 134, этими статьями, относятся как раз к категориям тяжких либо особо тяжких.

Так вот, число осужденных выросло, но посмотрите, что в итоге получается. 21 процент (это каждый пятый) был осужден к лишению свободы, и из тех, кто был осужден к лишению свободы, 90 процентов – на срок до двух лет. Вы понимаете, что это ничто, учитывая, если они под стражей находились, а еще условно-досрочное освобождение применяется. Очень быстро люди выходят на свободу, и поэтому граждане нам пишут: "Мы не понимаем! Только что его нашли всем миром, были расследование и суд, а он уже опять рядом с нами".

23 процента – условное наказание, а остальное – наказание, не связанное с лишением свободы, то есть это ограничение свободы либо обязательные работы. Соответственно, есть смысл подумать, а работают ли профилактически такого рода меры. Причем я дальше покажу, как это раскладывается даже по статье 135, там ведь часть вторая касается в том числе и детей, не достигших 14 лет. Пока не буду касаться статьи 134, чтобы вас не запутать.

Возвращаемся к основным направлениям. Естественно, что оправданна такого рода постановка вопроса относительно того, чтобы посмотреть, насколько защищены дети до 14–15 лет, не достигшие 16 лет, с тем чтобы у нас и эта категория не оказалась беззащитной, как это зачастую происходит сейчас.

Второе направление – это дифференциация мер профилактики в зависимости от характеристики личности, совершившей преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Я чуть позже скажу, какие меры мы предлагаем.

Третье – это выделение особой категории лиц, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости. Вы знаете, что удалось в Уголовный кодекс включить этот термин. Сейчас с нами работают специалисты института имени Сербского,

сегодня они здесь будут выступать. Очень многие вещи действительно... хотя я очень давно этим занимаюсь, как-то немножко обращалась и к этой теме, считала, что все это люди невменяемые, вменяемость почти невозможна. Статистика, кстати, фиксирует, что чаще всего эти преступления сегодня совершают люди, которые вообще никакой судимости не имеют. Но обратите внимание (мы же с вами постоянно получаем эту информацию): он впервые выявляется, впервые обнаруживается, судимости нет, а эпизодов у него уже полно. В том числе, если посмотреть статистику по этим делам, вы увидите, что в ней... Судебный департамент при Верховном Суде выделяет тех, кто осужден по старой редакции, до 2012 года, а там одна часть была, все преступления по статье 135 были небольшой тяжести, а по статье 134 – это были преступления средней тяжести, наказание было до четырех лет, и даже штраф был. Соответственно, там наказания вообще никакие, сроки давности вообще никакие по этим преступлениям! И, естественно, возникает вопрос: а может быть, у человека, который впервые обнаружен, но уже совершил преступления в отношении нескольких детей, есть эта болезнь, не исключаяющая его вменяемости? А кто его знает? У нас сегодня обязательная судебно-психиатрическая экспертиза лиц, которые совершают такие преступления, не предусмотрена. Поэтому здесь не все так просто. И есть еще ряд других проблем, на которые мы выходим, чисто организационных, связанных с такого рода экспертизой. Соответственно, тут много чего. Поэтому, может быть, на самом деле много среди нас гуляет людей, которые имеют такое заболевание, будучи вполне вменяемыми, нормальными. Есть известные дела, пусть старые, с советских времен, например того же Чикатило. Ведь это очень хороший, порядочный семьянин был, в отношении своей семьи – все прекрасно. А скольких растлил – и детей, и женщин, и мальчиков! Поэтому, учитывая наш технологический век и много сопутствующих факторов, которые влияют на психику людей, и агрессивно влияют, недоучитывать этот фактор и опасность распространения такого рода расстройств сексуального предпочтения было бы ошибочно. Поэтому мы посмотрели целый спектр... проанализировали законодательство и предложили ряд мер (я о них скажу).

Четвертое – введение повышенной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Это очень серьезная угроза. Уголовное законодательство стало меняться. Часть статей имеет специальный, квалифицированный состав (это очень важно), не отягчающие обстоятельства, это способ совершения преступления, который фактически на очень большую группу детей может быть рассчитан, это опасный способ. И,

соответственно, когда преступление совершается таким способом, оно должно караться более жестоко, это более тяжкое преступление. И у нас по некоторым статьям это есть, а по другим нет, то есть не выдержано единство правового принципа положенного регулирования идентичных, тождественных отношений, заложенных в уголовном законодательстве. Поэтому мы этот пробел предлагаем устранить.

Пятое – это криминализация ряда деяний, связанных, во-первых, с пропагандой преступлений педофилической направленности... Мы их не педофилией называем, а (так, как они сейчас в Уголовном кодексе есть) преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет (мы предлагаем поднять эту возрастную планку – не достигших 16 лет – с учетом и международных стандартов). Потому что пропаганда... Вы посмотрите, как везде... Даже с персоналиями... Некоторые потерпевшие – герои передач, и все персональные данные... А это же все равно еще незрелая девочка (или мальчик). Они, может быть, выглядят... Они могут очень умно рассуждать, но психика-то у них все равно еще детская. И поэтому это для них просто громадные риски. Им просто запечатлевают всё то насилие, которое над ними произошло, тогда как задача применительно к детям – если уж ребенок стал жертвой насилия, так реабилитировать, чтобы он никогда об этом не вспомнил, забыл напрочь, чтобы это не влияло на его поведение. И тем более чтобы ни в коем случае не было повтора. Потому что любой специалист в области детской психиатрии скажет, что любой повтор может сделать последствия фактически необратимыми.

Да, нужна уголовная ответственность за укрывательство преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Сегодня закон предусматривает ответственность за укрывательство только особо тяжких преступлений. Мы полагаем, что надо расширить ее на преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних средней тяжести. На мой взгляд, это надо сделать, мы будем это обсуждать. Пока мы в группе не обсуждали, какие это категории, пока у нас так сформулировано.

И еще оказался пробел... У нас нет ответственности за уклонение осужденного от исполнения дополнительных наказаний, в частности, в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Поэтому мне неоднократно по обращениям граждан приходилось этим заниматься, я думаю, и вы сталкиваетесь с этим: ему запретили быть педагогом – так он аниматором без всякого договора работает на всяких детских выставках! Они туда все стремятся! Хотя он осужден, пусть по старому законодательству, но у него есть

судимость, она пока еще даже не истекла, а он уже, пожалуйста, находит пути обхода. Поэтому он тоже должен нести ответственность за то, что обходит запрет, соответственно, уходит от этого. Но, к сожалению, применительно к этой ответственности осужденного – за неисполнение данного наказания – пока мер нет.

И шестое – усиление в целом мер защиты несовершеннолетних потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности. Здесь очень большой спектр мер. Я сейчас покажу некоторые, потому что речь идет... Очень серьезный вопрос об административном надзоре за осужденными – когда он назначается, во всех ли случаях. Очень много разных категорий выделяется, которые трудно разграничить.

В части законов остались прежние формулировки – преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего (это только глава 18 Уголовного кодекса), тогда как уголовное законодательство уже преступления и из главы 25 (то есть преступления против нравственности – организация занятия проституцией, детская порнография и многое другое), и из главы 18, где речь идет об изнасиловании, насильственных действиях сексуального характера и так далее, уже объединило в одну группу – преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 16 лет. Нужно устранять эти противоречия, чтобы у правоприменителя не было таких сложностей, когда у него несколько банков данных о лицах, которые друг с другом пересекаются, когда осужденному назначают дополнительное наказание – ограничение свободы – и одновременно административный надзор.

Какой момент?.. Сейчас фактически практика идет по такому пути, что ограничение свободы и административный надзор могут осуществляться параллельно. Но ведь за это отвечают разные ведомства, разные органы. Конечно, они могут договориться. А может быть, стоит просто развести? Ведь административный надзор осуществляется за лицом, которое отбыло основное наказание, а может быть, применительно к этим преступлениям и дополнительное наказание. А потом уже только – еще и ограничение свободы. Мы же тогда, может быть, фактически обеспечиваем достаточно длительный контроль за этой категорией людей, что позволит нам избежать рецидива преступлений в отношении детей.

Относительно мер, которые мы предлагаем... Обратите внимание: что касается мер защиты детей, не достигших 16 лет, прежде всего это поднятие возрастной планки, то есть будут попадать дети до 15 лет включительно, не достигшие 16 лет.

Я хотела бы обратить внимание, что у нас серьезно обсуждался вопрос об ужесточении наказания за серийные преступления, но, понимаете, внести этот термин в уголовное законодательство сложно, у меня, во всяком случае, не получилось его сформулировать. Поэтому (возможно, мы оставим это в законопроектах, когда сейчас пойдем по конкретным статьям) мы записали такую рекомендацию для подготовки – ввести принцип по всем этим статьям, где возможно, за систематическое совершение определенных действий, либо за систематическое совершение в отношении одного и того же лица, либо одновременное – в отношении разных лиц. Либо есть вариант, который мы сейчас обсуждаем (мы пока по нему окончательно не договорились), – сделать наконец отступление от применения только принципа поглощения наказания либо частичного сложения наказаний при назначении наказания по совокупности преступлений и приговоров. Ввести применительно ко всей этой группе – потерпевшим, не достигшим 16 лет либо к кому-то из них (я думаю, что возможны и тот, и другой варианты – как договоримся) принцип полного сложения наказаний без всякого усмотрения суда. Потому что надо понимать природу суда: он по природе должен быть милостив, милосерден, и в конце концов (во всяком случае, практика такова) наказания назначаются слишком мягкие. И у суда очень большой разброс – от трех месяцев до семи или восьми лет лишения свободы. Соответственно, это очень большой разброс, и, когда много деяний, чаще всего применяется поглощение либо частичное сложение. Пусть будет полное, и пусть знают преступники, которые решаются на то, чтобы растлевать детей, что они и без всякого пожизненного могут загнать "на 100 лет и больше".

И обратите внимание (это важно): мы согласовали неприменение института условного осуждения вообще. Сегодня он не применяется за преступления в отношении потерпевших, не достигших 14 лет. Если мы поднимаем планку до 16, соответственно, у нас попадают и дети 14–15 лет.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Сегодня оно допускается, пусть четыре пятых, но все равно допускается. Причем, обратите внимание, само лицо, которое отбывает наказание, может инициировать свое условно-досрочное освобождение. Ничего себе! Какие мы добренькие! При этом что интересно (и в группе это отмечают все специалисты) – где отбывают наказание эти люди? Все же знают, что им в колониях непросто, поэтому их направляют в очень хорошие места: они работают в библиотеке, еще на каких-то работах, ведут себя тихо, как

правило, у них все характеристики хорошие, все замечательно. Поэтому здесь очень большой вопрос – нужно ли сохранять этот институт для них?

Замена наказания более мягким – то же самое. Причем замена наказания более мягким, обратите внимание, – это еще более мягко, чем условно-досрочное, потому что могут быть отменены и все дополнительные наказания: когда заменяется основное наказание более мягким, закон допускает и даже дополнительные отменить. То есть вообще все раз – и одним... И опять по инициативе самого осужденного.

Амнистия тоже к ним применяется. А почему амнистия к ним применяется? Помилование – это конституционная норма, а амнистия – нет. Про амнистию ничего в Конституции нет. Почему мы должны амнистировать эту категорию? Вы знаете, что всегда, когда объявляется амнистия, под нее не попадают определенные категории лиц – совершившие особо тяжкие преступления и так далее.

Ну и срок давности. Срок давности уже пресловутый, уже устали об этом говорить. Ни в коем случае... Конечно, могут быть разные механизмы на Западе, мы вправе решать сами. В Америке для ряда категорий... Ну, у них другой принцип: у них действует закон Сорна, согласно которому каждого, кто освобожден, в зависимости от того, какое преступление совершено, ставят на специальный учет, и он будет находиться "под колпаком" у полиции либо всю жизнь, либо 25 лет и так далее.

В ряде стран это приостановление течения срока давности до момента, пока ребенок не достигнет совершеннолетия (у них – 21 год, у нас – 18), потому что тогда он, может быть, осмелится сказать правду и, соответственно, заявить о том, что в отношении него было совершено такого рода преступление, то есть чтобы боялся педофил, что рано или поздно раскроется такого рода деяние. Это же тоже как профилактика работает.

Ну и третий вариант. Мы предлагаем вообще этот срок давности отменить, как это сделано по преступлениям террористического характера. А разве это не терроризм в отношении детей? Да вам любой родитель, ребенок которого пострадал, скажет, что это страшно, это ужасно. Любой психолог или психиатр, который работает с такими детьми, вам скажет, что невозможно даже прогнозировать, какие будут последствия, как они скажутся на этих детях. Поэтому на самом деле жесточайше надо пресекать именно такого рода деяния.

Конечно, у нас до сих пор – прекращение дела в связи с примирением сторон. Ну, как это так? Изнасиловали ребенка (ну, пусть он не 14 – 15, 16 лет) или совершили другие преступления

(развратные действия, насильственные действия) – и примирились... Этого не должно быть, не нужно этого искушения создавать. Понятно, что на родителей или на ребенка начнется давление разными способами. Искушения быть не должно. Не надо этого делать. Отменить такой способ прекращения дел по этим преступлениям в отношении детей, не достигших 16 лет (если мы такую возрастную группу будем вводить), обязательно. К сожалению, выше пока невозможно, потому что держат примечание к части первой статьи 134 и Семейный кодекс, где возраст вступления в брак может быть снижен на два года, до 16 лет. Если мы возрастную планку поднимаем – ребенок, не достигший 16 лет, – мы уходим от этих противоречий. Хотя бы так уже было бы здорово.

И, соответственно, все одобрили предложение о том, чтобы было обязательное назначение наказания в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью вплоть до пожизненного по меньшей мере тем людям, которые страдают сексуальным расстройством, не исключающим вменяемости. Наверное, имеет смысл и такую норму ввести (во всяком случае, за это высказалась группа).

Относительно дифференциации мер профилактики в зависимости от характеристики личности совершившего преступление. Мы две категории дифференциации сплошным образом проводим во все...

Первая категория – это повышенная уголовная ответственность (фактически везде это тяжкие преступления) за преступления, совершенные родителями и иными родственниками. Смотрите, выделяем специально, чтобы не было спекуляций. У нас сегодня родители – это и приемные родители, и опекуны, все родители. Нет, родители – это кровные родители. И иные родственники. Потому что число преступлений, которые совершаются кровными родителями и иными родственниками в отношении детей, минимально в группе насильственных преступлений по отношению к детям в семье. Второе – за преступления, совершенные усыновителями, опекунами и попечителями, не являющимися родственниками. Третье – работниками образовательных, медицинских организаций, то есть куда дети помещаются под надзор, будь то больница, детский дом, какой-то социальный центр, а также лицами, которые осуществляют воспитательные функции в отношении несовершеннолетних на основании гражданско-правового договора возмездного оказания услуг (мы уже знаем ужасные дела, связанные с тем, что и гувернантки, и няни издевались над детьми). Соответствующее определение, кто относится к таким работникам, мы тоже подготовили.

Вторая категория (мы выделяем отдельные, новые части в соответствующих статьях, в зависимости от личности, потому что в некоторых статьях есть, но не везде) – имеющие судимость за эти преступления. Обязательно должны наказываться.

Выделение особой категории... Обратите внимание, какие меры. И будем признательны, если здесь будет это обсуждение (очень надеемся, что Георгий Евгеньевич Введенский ряд вещей обязательно...). Смотрите, возникает необходимость обязательного применения принудительных мер медицинского характера в отношении тех, кто страдает расстройством сексуального предпочтения, не исключающим вменяемости. Сегодня этого нет, все отдано на усмотрение суда.

Мы сделали запрос, чтобы нам прислали информацию, сколько назначается... Данных нет. Говорят, что совсем мало. А число таких людей не так мало, кстати, ряд из них – ответственные граждане, они проходят соответствующее лечение, сами инициативны и не совершают преступлений. И я думаю, что об этом еще будут говорить специалисты.

Обсуждая со специалистами, фактически мы вышли на то, что их лечение возможно только в стационарных условиях. Если это лишение свободы, то должны быть исправительные учреждения, где есть медицинские организации, которые обеспечивают специализированное лечение такой категории в стационарных условиях. И, соответственно, отбывание наказания – только там. Потому что задача все-таки – устранить опасность, которая от них исходит потом, когда они вернутся в общество.

Обязательное назначение и проведение судебной экспертизы. Когда такого рода преступления совершаются, необходимо выяснить, есть ли у подозреваемого лица, которое задержано, такое сексуальное расстройство или нет. Соответственно, это должно быть обязательным, меры от этого зависят, и профилактика тогда будет работать.

Относительно введения повышенной ответственности за преступления против половой неприкосновенности, совершенные с использованием Интернета. У нас есть некоторые данные. Обратите внимание: мы до сих пор не можем добиться (я не знаю, уже сколько лет мой законопроект в Госдуме "висит" – всё отрицательные отзывы), чтобы в часть третью статьи 135 "Развратные действия" (хотя бы за преступления в отношении детей, не достигших 14 лет, ну и 16 лет) был включен квалифицирующий признак – использование Интернета. Это же развратные действия, не контактные. Это сегодня такой размах приобрело! Посмотрите, по статье 135 на самом деле что получается? Фактически 46 процентов осуждается (это данные Верховного Суда) по статье 135. По части первой, в отношении лица, не достигшего 16 лет, – это 46 процентов (то

есть здесь все, что связано с Интернетом; если ребенок 14–15 лет – это все по части первой). Наказание... Понятно, что только каждый пятый осуждается к лишению свободы на срок до двух лет. А в отношении не достигших 14 лет – 32 процента (это уже часть вторая статьи 135). Поэтому, естественно, нужно вводить этот признак, потому что большая группа детей подвергается такого рода разврату. И степень опасности такого рода деяний больше.

Согласно данным МВД (это, видимо, Управление "К"), опубликованным по 2017 году (это известные данные), больше всего такого рода предложений и тому подобного – в социальной сети "ВКонтакте", 8 процентов – по скайпу и 10 процентов – в "Одноклассниках" и на сайтах знакомств. Мы предлагаем включить в те составы, где сегодня они отсутствуют, – часть третью статьи 135, часть вторую статьи 240, часть вторую статьи 241... И мы серьезно ставим вопрос. В закон о полиции сейчас предложена соответствующая поправка (мы будем ее дополнительно обсуждать) о том, что потребуются организационные и финансовые меры на реализацию идеи киберполиции. Потому что уже в Уголовном кодексе в ряде статей появились составы и применительно к другим категориям преступлений, которые совершаются с использованием Интернета. Это очень опасная сфера.

То есть что у нас получается? За преступления, совершенные в отношении двух и более лиц без использования Интернета, мы наказываем, а за преступления, совершенные с использованием Интернета, где могут быть задействованы десятки, сотни и тысячи детей, у нас ответственность – как за одного. И, соответственно, это просто недопустимые вещи. А что это означает? Объем работы – это уже не Управление "К". Тогда выявление, пресечение всех преступлений в сфере компьютерной информации, число которых (еще раз говорю: это данность, это реальность) будет увеличиваться, хотим мы того или нет (это будет появляться в Уголовном кодексе), нужно относить к подразделению киберполиции.

Роскомнадзор... Сегодня нет четкости. Например, та же детская порнография. Кто это выявляет? Не разграничены полномочия. Все, что касается этих преступлений, должно быть у киберполиции, специализированного, хорошо оснащенного, сильного подразделения.

Пусть и блогеров чистоплотных привлекают и работают вместе с ними. То есть это должно быть у киберполиции, нужно заниматься именно этим. Это серьезный вопрос. Иначе просто... И политическая ситуация, которая сложилась вокруг России, и многие другие ситуации, и состояние и развитие информационно-телекоммуникационных сетей показывают, что, если мы

хотим сохранить и сохранить такого рода среду, сферу, нужно, безусловно, профессионально работать и тем, кто выявляет преступления в этой сфере.

И мы все согласились, договорились и сформулировали... И достаточно неплохой получилась статья 242³ (мы ее будем обсуждать) "Пропаганда преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних" (то, что в быту Анна Олеговна Левченко назвала пропагандой педофилии), в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Включаем ее в Уголовный кодекс, и она вписывается. И, наверное... Я думаю, Анна Олеговна будет выступать и, соответственно, об этом скажет.

Ну и иные меры защиты несовершеннолетних (это направление). Там много мер, касающихся несовершеннолетних в целом, то есть не достигших 18 лет, – и относительно того, как проводятся допросы, и относительно участия психолога, в первую очередь психолога (только в случае, если нет психолога, присутствует педагог при допросе несовершеннолетних, не достигших 16, может, и 18 лет, может, и это понадобится), соответственно, это и расширение перечня ограничений при административном надзоре, и запрет посещения детских организаций, и возможность использования технических, электронных устройств, так называемых браслетов, введение обязательной геномной регистрации, создание специального... Сейчас несколько, в том числе и в полиции, банков данных – и по тяжким, и особо тяжким преступлениям, и против несовершеннолетних, и против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, и против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет. Ну, это полная путаница! Единый банк данных должен быть – и применительно к административному надзору, и к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения, и к тем, кто состоит на учете, – по всем этим категориям (специально выделяется) в МВД должна быть единая база, с тем чтобы все могли координировать и действовать.

Спасибо за внимание. Я постаралась максимально отразить то, что нужно для понимания, в какой ситуации мы находимся, чтобы было понятно, что нужно двигаться теперь в направлении совершенствования законодательства несколько в других плоскостях, а не просто в части ужесточения уголовного наказания и мер воздействия. Действительно, нужны системные меры профилактики, которые позволили бы и выявлять своевременно такие преступления, защищая детей от негативных последствий, и, после того как эти лица уже отбыли наказание (и даже в процессе отбытия наказания), создать условия для тех, кто страдает расстройством сексуального предпочтения, чтобы они имели возможность излечиваться и контролировать свое поведение, ну и,

конечно, чтобы после отбытия наказания эти люди все-таки не уходили из-под контроля общества или специальных правоохранительных органов и не представляли опасности для наших детей. Спасибо.

Уважаемые участники! Да, я вышла за пределы регламента, но, поскольку у нас должно было быть три доклада, я как бы за своих коллег доложила. Мы начинаем дискуссию. Еще раз напоминаю: в письменном виде, пожалуйста, представляйте ваши фамилию, имя, отчество, кого вы представляете, от какой организации, в какой сфере являетесь экспертом.

Я предоставляю слово Введенскому Георгию Евгеньевичу, главному научному сотруднику лаборатории судебной сексологии федерального государственного бюджетного учреждения "Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского", доктору медицинских наук. Он является членом нашей рабочей группы.

Пожалуйста, Георгий Евгеньевич.

Приготовиться Левченко Анне Олеговне.

Г.Е. ВВЕДЕНСКИЙ

Мне бы хотелось коротко остановиться на медицинских аспектах данной проблемы, естественно, поскольку я врач. Речь пойдет о больных педофилией. Сразу скажу, что в отличие от бытового аспекта, в котором рассматривается проблема сексуальных правонарушений в отношении детей (это моральная распущенность и так далее), педофилия – это хроническое психическое расстройство, которое нуждается в лечении. Поэтому не надо думать, что ужесточение законов как-то существенно повлияет на эту когорту. Не остановит оно их. Поэтому закон от 2012 года, который ввел обязательные принудительные меры медицинского характера в виде амбулаторного принудительного лечения для всех педофилов и впервые в истории законодательства связал диагноз непосредственно с последствиями, то есть с этим амбулаторным принудительным лечением, в какой-то степени отражает то, что и наша судебная психиатрия еще не может квалифицированно оценивать состояние таких пациентов, делать прогноз и так далее.

В связи с этим возникает вопрос о проведении этого принудительного лечения. В том виде, в котором это прописано в законе от 2012 года, это неисполнимо. Почему? Потому что получилось так, что в течение пяти лет с момента вступления в силу этого закона такие лица отправляются в различные места отбывания наказания, где часто нет не то что каких-то возможностей применения мер медицинского характера, но даже и психиатров нет. Поэтому во всем мире пошли по пути создания специализированных центров для лечения "сексуальных"

преступников. Это и экономически оправдано, это и организационно оправдано, потому что для лечения таких пациентов нужны специально подготовленные кадры, в том числе и психиатров, и психологов, нужны специальные лабораторные исследования, которые применяются, в частности, когда речь идет о химической кастрации или лечении антиандрогенными препаратами, как мы говорим по-научному. Все это сделать в любом месте отбывания наказания просто физически невозможно. Поэтому вопрос тут должен ставиться только так, как во всем мире, – создание специализированных центров.

Далее что хотел сказать? По вопросу распространенности педофилии. Вы знаете, исследования еще в 90-х годах показали, что менее или более выраженные тенденции педофильного характера обнаруживаются почти у 40 процентов населения. Эта цифра очень серьезная. Другое дело, что большинство из них никогда не преступит закон, и не потому, что он такой хороший, а потому, что это часто даже не доходит до сознания, а выявляется только специальными методами. Но тем не менее в Берлине был проведен эксперимент в 2000-х годах, когда дали объявление о добровольном анонимном лечении педофилии и за первую неделю (только в одном Берлине) обратилось почти 900 человек. Вот вам еще одна проблема, которую нужно решать, – это проблема лечения таких лиц, которые еще не совершили преступление.

По поводу повышения возраста рассматриваемого контингента. Дело в том, что кроме педофилии есть еще такое нарушение, как эфебофилия (влечение к подросткам). Одни ученые, например канадцы, выделяют эфебофилию, другие не выделяют. Но я вам по своей практике могу сказать, что такое действительно имеет место быть. Поэтому подростковый контингент нужно защищать. Это важно еще и с той точки зрения, что подростки очень уязвимы в плане нарушений психического и сексуального здоровья после травмы сексуального насилия. Более того, это носит и профилактический характер, потому что, как показали наши исследования, примерно у 25 процентов гомосексуальных педофилов в анамнезе была травма гомосексуального насилия. То есть такие лица потом сами становятся гомосексуальными педофилами. Поэтому, конечно, этот контингент нуждается в защите.

И хотел бы сказать по поводу перспективности лечения педофилии. Общераспространенное мнение – что это никак не лечится. Это не так. Существуют исследования, которые показали, что если после тюремного срока количество рецидивов 80 процентов и больше, то после проведенного лечения, как положено, по всем направлениям (это не только лечение антиандрогенными препаратами или химическая кастрация), после этих видов лечения, все-таки

28, не более 30 процентов рецидивов. Так и экономически тоже выгоднее лечить, нежели десятилетиями кормить таких лиц за счет государства в тюрьмах. Спасибо за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Георгий Евгеньевич. Мы благодаря Вашим выступлениям... В том числе у нас же предложение было внесено Беляковым Антоном Владимировичем относительно того, чтобы в Уголовный кодекс даже был внесен термин "химическая кастрация", но Георгий Евгеньевич в рабочей группе обосновал, что один из методов лечения. Существует закон о психиатрической помощи гражданам и гарантиях прав при ее оказании, в нем заложен ряд принципов, согласно которым нельзя применять методы лечения, которые влекут необратимые последствия. И химическая кастрация – один из методов, его все-таки должен выбирать врач, а не суд или кто-то, поэтому мы, естественно, в законе о психиатрической помощи прописали ряд норм, которые позволяют тоже реализовывать принудительные меры медицинского характера в отношении такой категории людей, с тем чтобы они имели действительно эффект и ограждали от рецидива по отношению к детям.

Анна Олеговна Левченко, директор некоммерческого партнерства "Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента". Очень активная и бесстрашная. Это представитель от некоммерческой организации.

Спасибо Вам за то, что Вы выявляете...

Подготовиться Гуревич Сталине Валерьевне.

Пожалуйста.

А.О. ЛЕВЧЕНКО

Добрый день, коллеги! Постараюсь кратко рассказать обо всех инициативах, которые мы на протяжении этих месяцев вносили, работая в составе рабочей группы.

Хочу начать с того, что очень здорово, что в рамках работы в Совете Федерации нам удастся все-таки вырабатывать комплексные меры противодействия сексуальному насилию над детьми, потому что всё, что мы видели, что делалось за предыдущие годы... Да, может быть, мы добились ужесточения наказания для педофилов, но стало ли меньше преступлений? Этого никто не знает, потому что есть разные версии. Одни говорят, что стали лучше работать правоохранительные органы, поэтому количество выявленных преступлений растет, другие говорят, что действительно этих преступлений стало больше. Но что же делать?

Прежде всего, мы считаем, что должны быть приняты комплексные меры на уровне межведомственного взаимодействия, и законодатель должен не только ужесточать наказание, но и думать о мерах профилактики и о мерах реабилитации детей.

Начну по порядку. Первая инициатива, с которой мы выступили, широко известна в СМИ как запрет пропаганды педофилии (конечно же, в юридических терминах это звучит несколько иначе) – речь идет о пропаганде именно сексуального насилия над детьми. Но многие нам не верят, что это действительно есть, – почему это нужно запрещать? Но существует огромное количество сайтов, форумов, групп в социальных сетях, педофилы уже написали и перевели на русский язык книги, которые распространяются если не в открытых сегментах Интернета, то на каких-то закрытых, анонимных чатах. Да, Роскомнадзор пытается с этим как-то бороться, да, эти книги в открытом доступе сейчас уже не найдешь, но есть такие сети, как TOR, известные специалистам, есть закрытые чаты в Telegram, куда сейчас тоже перешли педофилы. И пока мы не начнем привлекать к уголовной ответственности тех, кто все это распространяет, это будет просто "битьем палкой по хвостам". Понимаете?

И сейчас есть достаточное количество педофилов, которые уже в открытую заявляют (даже в России) о том, что педофилия – это сексуальная ориентация и мы – это пуританское общество, которое не понимает, что педофилы несут детям только любовь, радость и счастье. Если мы сейчас, на этапе зарождения этого движения, которое продвигается ровно по тем же схемам, по которым был легализован в свое время в западных странах гомосексуализм, эти гаечки не закрутим, то через 10–15 лет мы получим на наших улицах не гей-парады, а парады педофилов, и ничего мы с вами сделать с этим не сможем. Поэтому сейчас, когда мы можем что-то сделать...

У нас уже сейчас педофилы дают интервью федеральным каналам – "Москва 24", "Вести FM". Известный педофил Кузьмин, за которым мы гоняемся уже несколько лет, сейчас в Германии просит политического убежища в связи со своей сексуальной ориентацией, но говорит, что, когда вернется в Россию, будет продолжать совращать пятилетних девочек. Поэтому мы считаем, что здесь должна быть, во-первых, уголовная ответственность, во-вторых, сайты с пропагандой педофилии должны блокироваться нашими силовыми структурами, правоохранными органами, органами контроля за средствами массовых коммуникаций без решения суда, тут же.

Дальше. Мы считаем, что в России уже давно назрела потребность в создании киберполиции. К сожалению, наши правоохранные органы не успевают за развитием технологий и за тем, как быстро у нас сейчас совершаются преступления, в том числе и

сексуального характера в отношении детей. Например, ночью в воскресенье наша общественная организация выявила ситуацию, когда издевались над маленькой девочкой, доводили ее до самоубийства, с ее помощью вовлекали школьных подруг. Появляется огромное количество всех этих фотографий... Сейчас даже не нужно снимать какие-то подпольные квартиры, студии, помещения для того, чтобы производить детскую порнографию. Сейчас педофилы научились манипулировать нашими детьми таким образом, что в социальной сети "ВКонтакте", которую мы считаем самой большой "помойкой" в нашей стране на уровне IT-технологий и массовых коммуникаций, каждый третий ребенок подвергался сексуальным домогательствам когда-либо. И мы не можем на это быстро реагировать.

Вот мне пишет девочка: "Что мне делать? Сейчас мне пишет педофил, я ему уже отправила фотографию, и он говорит, что если я сейчас не пришлю видео, то вся моя семья, все мои друзья, вся школа узнают о том, что я эту фотографию отправила". И что мы должны делать? Мы говорим: "Расскажи маме, пусть мама напишет заявление в Следственный комитет". Пройдет две недели, пока дело дойдет до детального рассмотрения этой ситуации и кого-либо вычислят, а этот педофил уже успеет довести ребенка до суицида. Понимаете, о чем речь? Опять же важно не только выявление самих преступлений сексуального характера, но важны и сообщения о преступлениях.

Сейчас многие люди, даже случайно что-то услышав от соседей (сейчас же у всех блоги в Facebook, Instagram, "ВКонтакте"), пишут о том, что они услышали. Но не занимаются сотрудники правоохранительных органов (потому что и не обязаны в принципе заниматься) мониторингом этих страниц. И что мы получаем? Ситуация решается у нас только в режиме ручного управления, к сожалению.

Вот самый свежий пример. В это воскресенье здесь присутствующая режиссер Ольга Синяева написала на своей странице в Facebook пост о том, что ей стало известно о том, что маленькую девочку насилует родной отец, и девочка истекала кровью, девочке никто не помогал. И, если бы Елена Мизулина в ручном порядке в воскресенье не подняла половину Омска "на уши", возможно, эта девочка не выжила бы. И это факты (понимаете?), это реальные факты!

Мы провели огромную работу. Общались с представителями в регионах, с сотрудниками отделов "К", которые занимаются расследованием этих преступлений. И буквально вчера наш коллега прислал мне такое сообщение: "Нужна единая система, где свое следствие, свой оперсостав, своя пресс-служба, круглосуточная работа, онлайн-приемная — только тогда мы

сможем эффективно работать". Тот же сотрудник регионального отдела "К" мне сказал: "Что я могу сделать, когда у меня в подчинении всего пять человек, я начальник и мы занимаемся не только выявлением педофилии, мы занимаемся еще огромным пластом всего остального и не имеем никакой возможности, особенно финансовой, привлечь к расследованию грамотных айтишников, программистов? Никто не идет на зарплату 25 тыс. рублей. Эти люди идут работать в "Google", "Яндекс" и в крупные корпорации. Понимаете, у нас силы не равны".

Да, сотрудникам отделов "К" большая честь и хвала, они днем и ночью (последний раз в 4 часа утра мне сегодня написали)...

И, наверное, последний пример – насчет межведомственного взаимодействия и почему эта киберполиция нужна. Буквально вчера тоже ночью на нашу "горячую линию" поступило сообщение о том, что учительница из Новгородской области выложила в сеть фотографии, где она целуется с 15-летним мальчиком. Мы передали эту информацию в отдел "К". Сразу отработали, до 6 часов утра установили, что это за учительница, что это действительно было. А когда они передали уже собранный материал днем в Следственный комитет, что сделал Следственный комитет? Опубликовал пресс-релиз, что проводится проверка в таком-то городе. Город оказался маленьким, быстренько этой учительнице все рассказали, вся доказательственная информация была удалена. И что нам теперь делать? Понимаете, это не камень в огород Следственного комитета, это просто говорит о том, что межведомственное взаимодействие часто не срабатывает так, как нужно. Или те следователи, которые действительно хорошо работают, разбираются в проблеме, – вот два года занимаются их обучением по этой теме, дальше они уходят на повышение и приходят следующие. Захотят ли они вообще это изучать и этим заниматься серьезно или нет?

Еще одна наша инициатива – это ужесточение ответственности СМИ за разглашение персональных данных о жертвах сексуального насилия. К сожалению, у нас в законе есть огромный пробел. Я этот закон еще сама "пробивала" через Госдуму – о том, чтобы у нас жертв сексуального насилия не показывали по телевидению. Но там получился пробел в том плане, что если в интересах защиты ребенка и с согласия законного представителя, то можно. И появляется у нас Диана Шурыгина, семья которой зарабатывает на этой трагедии деньги. Да, девочка действительно пострадала, да, ее изнасиловали. Тут вопросов нет, человек сел. Но девочку затащили по эфирам. Девочка сначала этому радовалась, она была звездой. А вы знаете, что она потом три месяца в психиатрической больнице лежала с угрозой суицида, с тяжелыми срывами и

так далее? Понимаете, на этих детях сейчас ток-шоу зарабатывают деньги. Мы не должны этого допускать! Там штраф – 1 млн. рублей. Ну что для "Первого канала" 1 млн. рублей? Ну, мы о чем говорим? Ну, это же вообще недопустимо!

И последнее, что я хочу сказать. Мы с вами должны говорить здесь не только о педофилах и о том, что бы мы с ними сделали, как бы мы их наказали, мы должны говорить о профилактике этих преступлений, о том, каким образом нам работать с детьми, с родителями, как нам рассказывать об этих угрозах правильно и грамотно.

И самое главное – что реабилитацией жертв педофилов у нас, по большому счету, толком-то никто и не занимается. У нас есть в регионах (уполномоченные по правам ребенка тут присутствуют, они не дадут соврать) реабилитационные центры. Но во всех регионах это выстроено по-разному. Где-то это стационарный центр, где пострадавшая девочка или пострадавший мальчик может проходить комплексную реабилитацию с участием психологов, медиков, всех необходимых специалистов, где-то – только дневной стационар. Узнать, где эти центры, мы тоже не можем, потому что каждый регион решает эту проблему по-своему. У кого-то он подчиняется министерству здравоохранения, у кого-то – министерству образования, у кого-то – еще какой-то структуре. И собрать это воедино сейчас практически невозможно. И родители, которым мы говорим о том, что реабилитация ребенка, пострадавшего от насилия, необходима, не знают, куда бежать, им никто об этом не говорит, понимаете?

И вопиющий случай (пример на эту тему)... Два года назад в Воронежской области девочку изнасиловали, после чего она стала общаться с другими мужчинами, которые тоже ее насиловали, совращали и так далее. То есть это показывает, что бывает, если девочка после изнасилования не проходит реабилитацию и не принимаются профилактические меры. Девочка сбегала из дома, она была склонна к побегам. И когда ее поместили в больницу, она попыталась сбежать. В итоге девочку отправили в психиатрическую больницу в Воронежской области (если вы знаете, там есть такая Орловка), где сидят насильники и убийцы невменяемые. В итоге, когда об этом узнал следователь, он сам на личном автомобиле ночью поехал туда эту девочку спасать. И когда он задал вопрос сотрудникам полиции и представителям опеки, каким образом ребенок попал в такое учреждение, они сказали: "А что же? Она склонна к побегу, а у нас нет стационарного реабилитационного центра. Кто ее будет охранять?" Он сказал: "Вы поставьте у палаты в детской больнице, которая находится на улице Бурденко, двух сотрудников полиции,

пусть они ее там охраняют, но ребенок будет в детском учреждении, будет получать медицинскую помощь, а не какие-то меры, которые применяют к психически больным преступникам".

Но, понимаете, это все – в ручном режиме. У нас должна быть создана сеть реабилитационных центров для этих детей, хотя бы по одному такому центру на федеральный округ. И да, конечно, правильно профессор Введенский сказал о том, что мальчики, которые пострадали в детстве от сексуального насилия и которые не получили должной медицинской помощи, психологической, психиатрической и другого характера, в 60 процентах случаев (я смотрела исследования), когда вырастают, становятся педофилами, насильниками. Потому что таким образом у мальчиков, когда они вырастают, эта психологическая травма проявляется.

И что мы делаем? Мы своими руками, получается, не помогая этим детям, в будущем создаем себе проблемы – мы растим новых преступников, которые не могут себя контролировать, а они могли бы, если бы в детстве им помощь оказали.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Время...

А.О. ЛЕВЧЕНКО

Да, все, я в принципе закончила.

Я хочу сказать, что все-таки мы должны работать в комплексе. И, конечно же, мне кажется, что в данном формате эта работа будет эффективна, если мы будем учитывать все эти меры. Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Анна Олеговна. Я записала Ваши предложения по ужесточению ответственности. Но за разглашение сведений, насколько я понимаю, – административная ответственность сегодня?

С МЕСТА

Да.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да. Надо обсудить – административная или уголовная. Я записала. К проекту рекомендаций в письменном виде, как бы Вы это видели, предложение предоставьте, пожалуйста.

Слово предоставляется Гуревич Сталине Валерьевне, адвокату.

Подготовиться Гезалову Александру Самедовичу.

Пожалуйста, Сталина Валерьевна.

С.В. ГУРЕВИЧ

На самом деле мое выступление будет, скажем так, немножко дополнять выступление Анны Олеговны. Сегодня уже неоднократно было сказано о том, что преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних у нас очень сильно ушли в Интернет. Огромное количество преступлений совершается там, вплоть до того, что продажа, производство, хранение детского порно осуществляются на популярных интернет-сайтах, на сайтах социальных сетей и, собственно говоря, на том же самом суперпопулярном сайте "ВКонтакте". Владельцы сайтов абсолютно не пытаются каким-либо образом контролировать их наполнение, не пытаются каким-либо образом убирать эти группы, которые не то что пропагандируют, а в открытую продают детскую порнографию.

Буквально недавно был случай, когда (мы с Анной Олеговной работаем вместе) мною был найден на просторах Интернета, собственно говоря, непосредственно в сети "ВКонтакте", сайт под названием "Клуб семейного инцеста "Остров любви". В описании, в открытом описании... Зачитаю: "Секс при детях, секс с детьми, интим с родителями, брат с сестрой..." и так далее. Мною была направлена жалоба на эту группу. Знаете, что мне ответили в службе поддержки "ВКонтакте"? Они сказали: "Извините, эта группа закрытая. И в связи с тем, что мы очень сильно заботимся о личных, персональных данных, мы в эту группу залезть не можем, поэтому мы ее блокировать не будем". И только после того, как я подняла, извините, очень большой, шумный скандал с прессой, эта группа была заблокирована. Но буквально три-четыре минуты поиска в сети "ВКонтакте" – и мы там находим объявления – например, о том, что юноша, позиционирующий себя 25-летним (а там уж не понятно, сколько ему лет), ищет себе 14-летнюю рабыню (это объявление в абсолютно открытом доступе). На страницах пользователей – объявления: "Продам, обменяю детское порно". И на это никак не реагируют владельцы сайта "ВКонтакте". Подобная же ситуация есть на сайте "Одноклассники" – в меньшей мере, но это есть.

И до тех пор, пока у нас, я так считаю, не будут привлекаться к уголовной ответственности те лица, которые пособничают совершению преступлений... А я считаю, что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, в соответствии с Уголовным кодексом у нас есть все возможности привлечения этих лиц к уголовной ответственности. Есть определение понятия пособничества в совершении преступления, которое говорит о предоставлении орудий совершения преступления. Направление требования об удалении информации... Отказ от выполнения этого требования должен влечь автоматическое возбуждение уголовного дела в

отношении владельцев социальных сетей. В таком случае они будут лично заинтересованы в том, чтобы отслеживать, блокировать, выявлять и направлять информацию о лицах, совершающих в сети преступления полового характера, либо в созданную киберполицию, либо в Следственный комитет – это сейчас не имеет значения, но эта информация должна доходить до уполномоченных органов.

Что делает Анна Олеговна? Была группа "Дети-404". Это группа, которая была заблокирована Роскомнадзором за пропаганду гомосексуализма. Суд обязал своим решением заблокировать эту группу. Группа была заблокирована. Через два часа эта группа была создана вновь, и все пользователи, которые были в той группе, были перенесены в новую группу с разницей в названии в одну букву. Вы хотите сказать, что это было сделано без ведома собственников "ВКонтакте"? Я в жизни в это не поверю. Это технически невозможно, там было несколько тысяч человек. То есть владельцы "ВКонтакте" взяли и создали новую группу, абсолютно наплевав на решение российского суда. Извините, а каким тогда образом у нас получается, что существуют собственники, которые плюют на закон и на судебные решения? Мне это не понятно.

И последнее, что я хотела бы сказать. Мне кажется, это важно – внести поправки в законодательство о вообще доступе несовершеннолетних к социальным сетям, о контроле владельцев и об ответственности владельцев социальных сетей за регистрацию несовершеннолетних. Потому что тот же "ВКонтакте" является рассадником порнографии, экстремизма, в том числе педофилии и вообще всего, что запрещено Уголовным кодексом, Кодексом об административных правонарушениях и законами Российской Федерации. На сайте "ВКонтакте" все это есть. Необходимо ввести ответственность владельцев за регистрацию несовершеннолетних на этом сайте. То есть, как только появляется аккаунт, где указано, что зарегистрированному меньше 18 лет, этот аккаунт моментально должен блокироваться. Если этот аккаунт появился – должна быть ответственность. Это технически возможно, потому что, мне известно, есть социальные сети, которые это делают, и делают весьма успешно. Поэтому должна быть ответственность. Дети на этом сайте находиться не должны, если владельцы не в состоянии отслеживать наполнение этого сайта либо нести ответственность за это. У меня всё.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Сталина Валерьевна. Если Вам не трудно (я записала Ваши предложения об ответственности владельцев сайтов за регистрацию несовершеннолетних), попробуйте сформулировать Ваши предложения письменно.

С.В. ГУРЕВИЧ

Да, конечно, в письменном виде.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но могу сказать, что уже неоднократно обсуждался этот вариант, пытались как-то реализовать. Пока не получилось, но законодательство не стоит на месте. Может быть, у Вас получится лучше найти вариант. Спасибо.

Гезалов Александр Самедович, руководитель социального центра Святителя Тихона. Тема выступления – "Как искоренить насилие в интернатах".

Подготовиться Крапивиной Валентине Федоровне.

А.С. ГЕЗАЛОВ

Добрый день, уважаемые друзья! Спасибо большое за возможность выступить.

Я хотел бы вернуться к ситуации в Челябинске, связанной с воспитанниками детского дома. Я сам вырос в советском детском доме. За время моего пребывания в этих учреждениях и нахождения в этих учреждениях сейчас, наблюдая за тем, что там происходит, я могу сказать, что отношение к этой ситуации со стороны каких-то внешних сил и внутри самой системы достаточно сложное. Почему? Потому что дети, которые находятся... Мы, кстати, недавно снимали фильм Ольги Синяевой "Блеф, или С Новым годом!". Когда дети переживают депривацию, реактивное расстройство привязанности, то всякое такое к ним отношение и какое-то вовлечение ими воспринимаются как попытка получить некоторую эмпатию, добиться каких-то недостающих ощущений. И достаточно часто дети не понимают, где насилие, где сексуальное насилие, где что-то еще. В Челябинске произошел, на мой взгляд, тяжелый случай, потому что дети не говорили об этом, находясь в детском доме, а стали говорить об этом в приемной семье. То есть получается, что воспитанники, находясь в самих учреждениях, сообщить о том, что с ними происходит, не могут, потому что они никому не доверяют и не знают, кому это доверить.

Мы вместе с Ольгой Синяевой буквально месяц назад создали специальный телефон и попытались продвинуть эту идею – что, если совершено насилие, если есть какие-то проблемы в том, чтобы как-то себя защитить, обращайтесь. Но очень странно, что, когда было выявлено это насилие в Челябинске, сотрудников вернули обратно на рабочие места, то есть люди не понесли

никаких наказаний, не были отстранены. На мой взгляд, халатность, невнимательность, отсутствие каких-то профессиональных стандартов и этики в работе с детьми-сиротами приводят к тому, что, я уверен, через какое-то время эти же люди проморгают что-то другое. Поэтому в работе с сиротскими учреждениями достаточно сложно не то что даже выявить...

Вот я слушаю Анну Левченко: мы носимся за кем-то в Германии, есть Интерпол, еще что-то... В работе с детскими домами Интерпола и каких-то других структур нет. Получается, что вся ответственность за собственную безопасность лежит на самом ребенке. Ставить видеокамеры, искать людей, которые будут этим заниматься, тоже сложно, потому что все-таки ребенок находится в тяжелой жизненной ситуации, находится в рамках закрытой системы.

Что здесь делать? На мой взгляд, информация, которая сегодня есть у органов прокуратуры и Следственного комитета, практически отсутствует в прямом доступе, потому что считается, что это персональные данные и нежелательно, чтобы общество знало о том, что происходит с детьми в детских домах, интернатах, в том числе и в ПНИ. И получается, что иногда об этих случаях становится известно через социальные сети. Вот челябинский случай – это, наверное, ответ на то, каким образом мы узнаем о том, что там происходит. Волонтеры и добровольцы занимаются танцами, плясками, а в это время туда приходят какие-то люди, в том числе и под видом аниматоров, как говорила Елена Мизулина, и совершают эти действия.

Мне кажется, что нужно объединить усилия не только каких-то силовых структур, не только... Даже, к примеру, очень часто информация о детях из детских домов и интернатов находится в открытом доступе в интернет-пространстве. И достаточно легко, зайдя на их страницы, понять, что они из какого-то учреждения, потому что там полный обрыв связей с родственниками и так далее, ребенок один, он ничего не пишет о родителях – о маме и папе. И тут прямой контакт тоже приводит к тому (и я сам слышал от детей), что к ним очень часто проявляют внимание люди со стороны каких-то интернет-сообществ. И опять нет никакой защищенности, не к кому обратиться и никак этот вопрос не решить.

Я надеюсь, что мы этот специальный телефон продвинем каким-то образом. Я сам – выпускник советского детского дома. Люди, которые будут заинтересованы в том, чтобы не только контролировать, но и реагировать, – это тоже выпускники детских домов. Потому что, на мой взгляд, безопасность ребенка с точки зрения его будущего – это не только адаптация и социализация, но и его половая неприкосновенность в рамках системы. Если он там эту

неприкосновенность нарушит, со временем мы получим человека, который будет всю жизнь страдать и, скорее всего, сам начнет нарушать законы.

По поводу еще одного вопроса. Я работаю с осужденными, которые находятся в исправительных учреждениях, в том числе с подростками. Не всегда люди, которые совершают развратные действия с молодыми людьми, скажем, с несовершеннолетними, – это люди, которые имеют какое-то отклонение, просто они в рамках своей системы сами подверглись насилию и знают, что это такое (ну, есть такое понятие "опущенный"). На мой взгляд, надо рассматривать этот вопрос не только с точки зрения лечения этих людей, но если он такой статус в колонии получил, то за ним нужен особый контроль, потому что этот человек пойдет тоже мстить и, соответственно, "опустит" сам кого-то.

На мой взгляд, эти реперные точки нужно так или иначе прорабатывать, потому что дети, которые находятся в детских домах и интернатах, особенно не защищены, потому что их защитить некому – нет профессионалов. У всех есть дорогие гаджеты, которые дарят "спонсоры", и получается, что ребенок просто доступен всем. Вот эту доступность нужно, мне кажется, каким-то образом... не блокировать доступ в Интернет, а в самой системе делать все для того, чтобы ребенок оставался в безопасности. Спасибо за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

В этом отношении предложение относительно того, что должна быть специальная структура, технически и **человечески** оснащенная, которая работает в Интернете, в том числе и мониторит интернет-пространство, может, и со специализацией, чтобы работать в каких-то закрытых группах и выявлять их, – наверное, это тоже путь. Понятно, что организационно затратный, требующий времени, но Россия много что начинала в нынешнем времени с нуля и все получилось. Поэтому у нас просто нет права ничего не делать. Спасибо.

Слово предоставляется Крапивиной Валентине Федоровне, руководителю ГБУ ВО "Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей". Тема – "Проблема процессуального статуса психолога при сопровождении несовершеннолетних, пострадавших от преступных посягательств против половой неприкосновенности".

Подготовиться Кондрашовой Татьяне Владимировне.

В.Ф. КРАПИВИНА

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые присутствующие! Тема моего выступления обусловлена тем, что с 2015 года наш центр оказывает психологическую помощь детям, пострадавшим от преступных посягательств против половой неприкосновенности. Имеем опыт в оказании этой помощи несовершеннолетним в возрастной категории от трех до 17 лет в количестве 250 человек.

Опираясь на свою практику, хочется отметить, что федеральный закон № 432, который внес изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации, предусмотрел в части четвертой статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля по уголовным делам против половой неприкосновенности несовершеннолетних обязательное участие психолога.

Но, закрепив это положение в уголовно-процессуальном законодательстве, законодатель не сказал, какое лицо может быть привлечено в качестве психолога, в результате чего в уголовном судопроизводстве часто участвуют лица, которые не имеют специализации в области детской или подростковой психологии, практического опыта оказания психологической помощи данным категориям лиц. На наш взгляд, это совершенно недопустимо, потому что функции психолога при рассмотрении таких психотравмирующих событий, которые произошли в жизни ребенка, не могут ограничиваться только формальным присутствием при производстве следственных действий и подписанием протокола, потому что участие психолога в следственных действиях должно заключаться в оказании психологической помощи несовершеннолетним уже на этом этапе и в то же время способствовать установлению объективной истины по уголовному делу.

В связи с этим, полагаем, необходимо дополнить статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (основные понятия) пунктом следующего содержания: психолог – это лицо, обладающее специальными знаниями в области детской и подростково-юношеской психологии, имеющее соответствующее образование и практический опыт оказания психологической помощи несовершеннолетним соответствующей возрастной группы, который привлекается сторонами или судом для производства процессуальных действий с участием несовершеннолетнего или малолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего или свидетеля.

Также глава 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации "Иные участники уголовного судопроизводства" не содержит отдельной статьи, посвященной

регламентации процессуального статуса психолога, его прав и обязанностей, в то время как он оказывает содействие следователю в получении полных и достоверных показаний несовершеннолетних посредством и установления психологического контакта, и создания непринужденной обстановки допроса, и обеспечения оптимального эмоционального состояния несовершеннолетнего, оказания помощи в формулировании педагогически корректных вопросов и так далее – то есть выступает в качестве специалиста. И одновременно он же выполняет функции по защите законных прав и интересов несовершеннолетних, охране его психического здоровья от травмирующего воздействия ситуации, в которую он попал.

Таким образом, мы видим двоякую цель участия психолога в уголовном судопроизводстве: с одной стороны – защита прав и законных интересов несовершеннолетних через предотвращение у них, как говорила Елена Борисовна, вторичной травматизации, которая может возникнуть в ходе следственных действий, и с другой стороны – помощь следователю в установлении психологического контакта с ним.

Представляется рациональной мысль о том, что законодательное закрепление в главе 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации процессуального положения такого участника процесса, как психолог, его прав и обязанностей послужит гарантией более четкой и правильной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, пострадавших от посягательств на половую неприкосновенность.

Одновременно предлагаем закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве случаи обязательного участия психолога в проверочных мероприятиях – на стадии проверки сообщения о таком преступлении (например, при принятии объяснений у несовершеннолетнего потерпевшего) по аналогии с их участием в следственных действиях, со статьей 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Предлагаем дополнить статью 280 "Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля", которая, к сожалению, в настоящее время не предусматривает обязательное присутствие психолога, в отличие от педагога, при допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в возрасте до 14 лет, а по усмотрению суда – и в возрасте от 14 до 18 лет. Получается, таким образом, что в ходе следственных действий ребенка, пострадавшего от преступных посягательств на половую неприкосновенность, сопровождал психолог, а в судебном заседании участвует незнакомый ему педагог. Законодательное закрепление

процессуального статуса психолога позволит более полно защитить права и интересы несовершеннолетних, пострадавших от посягательств на половую неприкосновенность.

Поддерживаем предложение наших коллег из Волгоградской области о том, чтобы принять федеральный закон о дополнительных гарантиях несовершеннолетних, пострадавших от преступных посягательств на половую неприкосновенность, в части оказания бесплатной комплексной реабилитационной помощи. Причем считаем необходимым добавить "в обязательном порядке". Потому что мы столкнулись с тем, что родители или законные представители только 70 пострадавших из 250 дали согласие на дальнейшую реабилитацию и впоследствии обратились за оказанием психологической помощи. Остальные родители или законные представители посчитали, что такая работа с их детьми не является обязательной. В то время как Георгий Евгеньевич правильно отметил, что дети, которые не получили своевременную комплексную реабилитацию, не могут быть в будущем успешными, создать семью и сами очень часто становятся на путь совершения преступлений.

Поддерживаем также предложение Анны Олеговны, чтобы создать сеть стационарных центров, которые оказывают комплексную реабилитационную помощь всем детям, пострадавшим от преступных посягательств на половую неприкосновенность, во всех субъектах Российской Федерации. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Валентина Федоровна, Вы в письменном виде можете передать свои предложения? Потому что у Вас ряд совершенно конкретных предложений. Часть у нас уже реализована в рабочих версиях законопроектов, которые подготовлены, но часть – нет.

В.Ф. КРАПИВИНА

Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень хорошие предложения.

Потому что мы тоже пришли к тому, что равноценно, как сейчас, предлагаются педагог и психолог. Нет, все-таки мы считаем, что психолог. И только в случае... И Вы правильно еще и специализацию... Я думаю, что это действительно не формально надо...

Будьте добры, передайте в письменном виде, ладно?

Слово предоставляется Кондрашовой Татьяне Владимировне, профессору кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета. Тема – "Новеллы российского законодательства в сфере защиты сексуального здоровья несовершеннолетних".

Подготовиться Бухтиной Татьяне Петровне.

Пожалуйста.

Т.В. КОНДРАШОВА

Я буду говорить не о том, о чем планировала, потому что я услышала много новых мыслей и ознакомилась с основными концепциями и рекомендациями, а постараюсь по ходу того, здесь было озвучено...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо, спасибо.

Т.В. КОНДРАШОВА

И еще я обязуюсь, Елена Борисовна, до 6-го числа прислать конкретные предложения в обязательном порядке – и то, что я планировала сказать в своем выступлении, и то, что произнесу сейчас.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо огромное. Отлично.

Т.В. КОНДРАШОВА

Поскольку я представитель материальной отрасли права, в основном мое выступление будет связано именно с материальной отраслью права – с уголовным правом.

Хороший закон должен быть непротиворечивым. На сегодняшний день в нашем законе нормы, которые связаны с посягательством на половую свободу и здоровье несовершеннолетних, разбросаны по двум главам – 18-й и 25-й. Я услышала, что предлагается их объединить, и тогда у нас вместо пяти статей в главе 18 появится 10 статей, если мы еще пять из главы 25 туда перенесем. Эти статьи иногда противоречат друг другу, иногда пересекаются между собой, что создает ненужную искусственную идеальную совокупность преступлений.

Наш закон на сегодняшний день (это не мое мнение, это мнение многих ведущих "уголовников", я имею в виду, специалистов в области уголовного права)...

РЕПЛИКА

В хорошем смысле.

Т.В. КОНДРАШОВА

Да, в хорошем смысле слова "уголовников".

...бессистемен. Это "точечная застройка", когда вводят новые статьи, не глядя на то, что уже в кодексе есть. И отсюда возникают противоречия.

Такой закон не позволяет выработать единую уголовно-правовую и правоприменительную политику. Отсюда, как отмечала Елена Борисовна, разноречивой в назначении наказания, что не создает авторитета ни закону, ни правоприменителю. Если нет уважения со стороны населения к этим двум институтам, к закону и к правоприменителю, вряд ли будут их слушать, исполнять с должным уважением и воспринимать приговор как посыл "остановись и дальше этого не делай". Более того, в ряде случаев при значительных мерах наказания это даже вызывает сочувствие к осужденному.

Кстати, давно известна мысль: множество законов – это свидетельство слабости законодателя. Поэтому, на мой взгляд, количество статей – не пять и не 10. Ну, пятью вполне можно ограничиться. 10 статей, которые регулируют одно и то же и пересекаются друг с другом, – это не есть хорошо. И правоприменители (хотя бы по Свердловской области) постоянно обращаются на кафедру и спрашивают: "Как быть? И сюда подходит, и туда подходит. Обе вменить? Одну статью вменить? Или не вменить?" Даже у правоприменителей это вызывает вопросы.

Я ознакомилась с теми предложениями, которые высказали участники слушаний и которые нам выдали в распечатанном виде, – Бухтиной Татьяны Петровны, Петрянина Алексея Владимировича, Антонова Игоря Олеговича, Степановой Ольги Юрьевны. С большинством из них я согласна, и часть из них я планировала высказать в своем выступлении. В частности, я согласна с предложением скорректировать редакцию статьи 134, где в названии написано, что сексуальные действия предусмотрены. Берем диспозиции частей первой и второй и что обнаруживаем? Пенильно-вагинальный половой контакт, мужеложство и лесбиянство. Никаких иных сексуальных действий нет. И надо бы их туда ввести, а иначе "провисает"... и надо рассматривать это как развратные действия и квалифицировать уже по статье 135, где срок лишения свободы, если брать часть первую, даже меньше, чем в статье 134.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уже учли. В рабочей версии учли.

Т.В. КОНДРАШОВА

Следующее. Я просто упомяну, хотя это есть в выступлениях и я пришлю...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо, спасибо.

Т.В. КОНДРАШОВА

Статья 134 предусматривает добровольное половое сношение, статья 135 – развратные действия тоже с согласия несовершеннолетнего. И две статьи, предусматривающие насильственные действия, – статьи 131 и 132, где в качестве квалифицирующего признака есть совершение этих преступлений в отношении несовершеннолетних. Если мы сравним санкции статей 131 и 132, что мы обнаружим? Что законодатель считает, что и пенильно-вагинальный акт, и все остальные сексуальные действия, совершенные с применением насилия, равны по своей степени общественной опасности. Санкции до запятой совпадают. Если мы берем статьи 134 и 135, что мы обнаруживаем? Что за пенильно-вагинальный половой контакт предусмотрено наказание до четырех лет лишения свободы, а за мужеложство – до шести лет лишения свободы. Почему за добровольные действия меры наказания так различаются, если за насильственные они одинаковые? Это вызывает вопросы у человека, даже не юриста, который будет читать, он скажет: "А почему так и как это объяснить?" Вот я своим студентам не могу объяснить, почему так. Тем более что иных сексуальных действий пока в статье 134 нет, их надо квалифицировать по статье 135, там еще меньше срок лишения свободы – до трех лет.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Там человеческий фактор, человеческий фактор автора.

Т.В. КОНДРАШОВА

То есть в санкциях расхождение большое.

Ну, на этом я закончу то, что я планировала и хотела бы сказать, тем более вы можете ознакомиться с предложениями других авторов. Я – по рекомендациям и концепции, с которой я ознакомилась.

Дело в том, что я и здесь увидела "точечную застройку" нашего законодательства, которая не учитывает уже существующее. Например, предлагается установить повышенную ответственность за совершение преступления в отношении двух и более лиц – включить во вторую или в третью часть и предусмотреть бóльшую санкцию. А зачем это нужно делать? Если это совершено сейчас в отношении двух лиц – это два разных преступления, правило статьи 69 – назначаем по совокупности преступлений. Получаем то же самое, что хотят получить, введя

квалифицирующий признак, но тогда все будет охватываться одной этой частью. То есть в наказании мы здесь ничего не выигрываем.

Следующее здесь предложено – запрет прекращать уголовные дела в связи с примирением сторон. Зачем? Он у нас уже есть. Дело в том, что все преступления против несовершеннолетних – тяжкие и особо тяжкие. За примирением сторон можно прекратить только преступления небольшой и средней тяжести. То есть примириться сейчас по тяжким и особо тяжким преступлениям закон запрещает. Зачем же второй раз вводить этот запрет?

Пытаются (высказано предложение) обязательно назначать дополнительное наказание вплоть до пожизненного, но это только по половым преступлениям. Но мы не можем в Особенной части предусмотреть то, чего нет в Общей части. В Общей части у нас пожизненных дополнительных наказаний нет. Уж если это вводить, то надо вводить в комплексе и менять тогда еще и в Общей части.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мы это сделали. Это все сделано в рабочей версии – в статьи 64, в 69 и 70.

Т.В. КОНДРАШОВА

Я исхожу из того, что здесь написано.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Так же как прекращение только применительно к тому, что осталось, то есть небольшой и средней тяжести. Но Вы понимаете, что это часть первая статьи 134, это часть первая статьи 135, это статья 240¹ или...

Т.В. КОНДРАШОВА

Там все, которые касаются порнографии и проституции.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего. Но это не дело, это нельзя, конечно же... Их немного осталось, но они распространены.

Т.В. КОНДРАШОВА

Дальше. Введение повышенной уголовной ответственности за преступления, совершенные лицами, имеющими судимость. Но у нас же есть часть пятая статьи 131 и часть пятая статьи 132, где судимость уже учтена.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Там – да.

Т.В. КОНДРАШОВА

Зачем же еще раз это вводить? Но я еще раз говорю: конкретно я еще продумаю спокойно, до 6-го числа обязательно пришлю.

Я хочу обозначить еще одну вещь, касающуюся профилактики. Все, что я сегодня слышала, я одобряю полностью. Но эта профилактика, на мой взгляд, неполная, не затронут еще один аспект. Георгий Евгеньевич сказал, что приблизительно 40 процентов людей имеют педофилические наклонности. Но эти 40 процентов людей не совершают преступления, совершает значительно меньшее количество. Почему они не совершают? Одна из причин – они воспитаны нормально. Они даже не наказания боятся, а просто их так воспитали семья, школа, их окружение, они понимают, что это не есть хорошо, несмотря на свои наклонности. Так почему среди этих мер нет никаких профилактических, воспитательных, направленных не на то, чтобы бороться с педофилами, а на то, чтобы воспитывать людей такими, какими мы хотим, чтобы они были? Причем воспитывать надо и детей, и родителей, которые будут воспитывать своих детей.

И еще. Давайте закроем этот сайт, давайте это запретим... Хорошо, нехорошие сайты – надо их закрывать, надо с ними бороться, привлекать к ответственности. А почему бы еще не предусмотреть направление в виде пропаганды нормального образа жизни, который мы считаем нужным вести? Мы почему-то все время боремся, а надо не бороться, а, наоборот, помочь людям стать нормальными с позиций нашей морали. Поэтому вот это, на мой взгляд, упущение в сфере профилактики.

Но еще раз говорю: в письменном виде я предложения направлю.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Татьяна Владимировна. Я думаю, многие согласятся с тем, что Вы сейчас озвучили, – что нужны и пропаганда, и информирование, и воспитание, в том числе и родителей. Формулируйте письменно.

Т.В. КОНДРАШОВА

Хорошо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Потому что мы – законодатели, мы прежде всего ищем в своей работе ошибки, которые мы можем устранить, ибо это наши полномочия. Но одновременно и затрагивать вопросы организационные, и обращаться в Правительство, и ставить вопрос, может, о каких-то

специальных программах мы можем и, конечно, тоже это сюда включим. Будем очень признательны. Спасибо Вам. Спасибо за поддержку.

Бухтина Татьяна Петровна, председатель комитета Волгоградской областной Думы по труду, социальной политике, вопросам семьи и делам ветеранов. Тема выступления – "О некоторых вопросах совершенствования законодательства в сфере защиты детей от посягательств на половую неприкосновенность".

Подготовиться Синяевой.

Пожалуйста.

Т.П. БУХТИНА

Спасибо, Алексей Иванович, спасибо, Елена Борисовна, за то, что вы подняли такую очень сложную, серьезную и для кого-то неудобную тему. Потому что многие считают политкорректным обойти это. Но это происходит. Если закрытые учреждения, мы понимаем, по каким причинам все это скрывается. Если это семья, многие считают, что мы не имеем права вмешиваться, если это происходит в семье.

Вообще, Елена Борисовна, я с большим удовольствием принимаю участие во всех мероприятиях, которые Вы проводите, потому что Вы затрагиваете именно те темы, которые многие обходят. Вы не боитесь этого. Спасибо Вам огромное за это.

Итак, многие предложения, которые мы изложили в своих рекомендациях и направили сюда, я озвучивать не буду, потому что они действительно схожи.

На что я хотела бы обратить внимание? Мы считаем, что необходимо создать специализированную систему оповещения граждан о наличии среди них людей, отбывших срок за преступление, которое они совершили, – за педофилию. Потому что в ряде стран их фотографии находятся в открытом доступе, например в Соединенных Штатах Америки. И в некоторых штатах даже информацию обязаны разместить на доме, где этот человек проживает. Здесь (чисто из своей депутатской деятельности) Елена Борисовна уже затронула такой момент, что люди, которые не имеют права занимать педагогические должности, обходят это и в качестве аниматоров или еще каким-то образом участвуют.

Я по роду своей деятельности (я представляю комитет по вопросам семьи) принимаю участие в мероприятиях, где участвует большое количество детей. И, будучи на одном из мероприятий, я обратила внимание, что пожилой человек фотографирует. Ну, может, это дедушка, может быть, он в этом учреждении работает. Следующее мероприятие – опять же он. Уже ради

интереса просто начала наблюдать. У нас маленькие девочки – и пяти, и шести, и семи лет – танцуют восточные танцы наполовину раздетые, пытаются совершать какие-то неумелые движения. И он фотографирует именно таких детей, которые полуобнажены, например, гимнасток или еще кого-то. Естественно, опять-таки в ручном режиме я говорю: "Запретите этому товарищу здесь появляться. Ну, это же невозможно!" Но каким-то образом, прислушиваясь, руководители учреждений пытаются его как-то отстранить. Но каких-то эффективных возможностей именно на законодательном уровне у нас нет. Поэтому мы считаем, что необходимо...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, в Европе запрещено фотографировать детей без согласия родителей. Даже на улице, если детский сад, группа...

Т.П. БУХТИНА

Да. У нас, чтобы разместить даже на сайте областной Думы фотографию с ребенком (это очень сложно сделать), пресс-служба требует согласования с родителями. А здесь он фотографирует, и в принципе никто ему это не запрещает, потому что многие считают, что это родственник – дедушка и так далее.

Поэтому, мы считаем, необходимо создать в Российской Федерации общую государственную базу лиц, когда-либо совершивших преступления против несовершеннолетних. И причем граждане Российской Федерации должны иметь возможность получать информацию по запросу в правоохранительные органы об осужденных педофилах, проживающих в их районе или городе. Я понимаю, что, может быть, те предложения, которые мы уже изложили, покажутся кому-то спорными. Вполне возможно.

У нас, например, принят закон, о котором здесь уже говорили (мы считаем его новеллой), – это Закон Волгоградской области № 178-ОД "О некоторых вопросах защиты прав детей, с участием которых или в интересах которых осуществляются правоприменительные процедуры (действия) на территории Волгоградской области".

Здесь уважаемый профессор Введенский говорил о том, что дети, пережившие сексуальное насилие в раннем возрасте, уже практически становятся психически травмированными, и очень сильно, это сказывается на их дальнейшей жизни. Действительно, из-за преступных действий сексуального характера, которым они подверглись, многие жертвы не умеют уважать права других людей, у них не формируется адекватное представление о нормах допустимого поведения, и нередко их попытки избавиться от чувства собственной беспомощности

и обрести уверенность в себе принимают форму агрессии и даже социальной эксплуатации других детей.

Так вот, что интересно в нашем законе? Он касается педагогической, психологической, медицинской, юридической помощи и социальной реабилитации не только в отношении жертв, которые подверглись сексуальному домогательству, но и тех несовершеннолетних, которые совершили преступления в отношении своих сверстников, потому что они тоже пострадавшие. Хотя они совершили... Да, их ставят на учет, они, может быть, не получают того уголовного наказания, которое получит взрослый человек, но это дети и они тоже нуждаются в этой реабилитации.

Поэтому мы считаем необходимым принять аналогичный закон на федеральном уровне.

Спасибо, Елена Борисовна.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо Вам.

Татьяна Петровна, могу сказать, что мы согласовали в рабочей группе и в рабочую версию второго законопроекта, который касается изменений в отдельные законодательные акты, уже включили положения, касающиеся обязанности полиции информировать граждан о проживании вблизи их места жительства лиц, которые освободились из мест лишения свободы и имеют судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Мы обсуждали, что было бы очень хорошо, чтобы это участковые делали, но мы пока еще окончательно... формулу-то рабочую мы записали, но посмотрим.

А банк данных – да, мы с этим согласны. Важно сделать его корректным, потому что специализированных банков данных очень много и есть пересекающиеся. Надо выйти на какой-то один, чтобы системно и консолидированно эта информация хранилась. Какая – надо это окончательно оговорить.

Так что спасибо Вам. Передайте нам, пожалуйста, ваш закон, волгоградский, – интересно. Потому что мы будем смотреть поправки в закон № 124 об основных гарантиях, вполне возможно, что получится... Спасибо.

Пожалуйста, Ольга Юрьевна Синяева.

Подготовиться Петрянину Алексею Владимировичу.

О.Ю. СИНЯЕВА

Здравствуйте! Я Синяева Ольга Юрьевна. Я режиссер, общественный деятель и приемная многодетная мама. После того как я выпустила в 2013 году свой фильм об интернатах (называется "Блеф, или С Новым годом!"), ко мне очень часто стали обращаться люди – приемные родители, дети – по поводу сексуального насилия, которое случается в интернатах. К сожалению, они не могут почему-то больше никому доверять и понимают, что у меня, как у режиссера, наверное, как некоего такого зеркала общества и как человека, который имеет опыт приемного родительства и понимает их боль и сострадание, больше развито, чем у каких-то специально выученных людей из органов...

Но я хотела сказать, когда сюда шла, о челябинском интернате. В этот момент вклинилась история совершенно дикая, которая произошла в Омской области. Там одна из моих подопечных, которой мы помогаем, мать-одиночка с восемью детьми, рассказала о вопиющем случае, который произошел с ее соседями. Там была изнасилована четырехлетняя девочка, и окружающие даже не поняли (настолько уровень сознания низкий), что ребенок истекает кровью и что она не просто так ударилась. В отношении отца, как потом выяснилось при помощи Елены Борисовны Мизулиной, уже было возбуждено уголовное дело.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Его под стражу взяли.

О.Ю. СИНЯЕВА

Сейчас – да, но до этого он шел каким-то образом условно. Далее он изнасиловал соседку в совершенно извращенной форме и ударил ее ребенка, чтобы он не видел, чтобы он исчез.

Если честно, я не сплю уже, наверное, третьи сутки в связи с этим делом. Мы собираем деньги среди друзей, для того чтобы оказать поддержку этой семье, потому что они, в общем-то, брошены в этом своем горе. У них только страх, они только плачут. Бабушка сидит с этой девочкой, у которой уже ампутировано два органа (и неизвестно, как дальше будет складываться ее жизнь), и говорит ей: "Ты, пожалуйста, не плачь". То есть я понимаю, что психологической помощи там нет никакой. Вместо того чтобы дать ребенку эту свою боль как-то выразить, бабушка ее, наоборот, пытается спрятать внутри. То есть понятно, что в дальнейшем это приведет к очень серьезным последствиям.

Мы работаем с фондом Анны Межовой (фонд называется "Сохраняя жизнь"), который сейчас строит реабилитационный центр в Оренбургской области. И они до этого организовывали специальные реабилитационные лагеря для детей, подвергшихся сексуальному насилию. Опять же

у них там все очень требует поддержки, то есть даже я хочу направить эту семью в дальнейшем на реабилитацию. Мы должны все время собирать деньги, потому что это сделать на государственном уровне невозможно.

Хотела бы сказать о том, что эти люди, которые подверглись насилию, эти семьи, эти приемные дети говорят, что ощущение такое, что все бездушные. Например, проверки проходят в приемных семьях, в то время как в челябинском интернате, где били, насиловали, и насиловали старшие, насиловали воспитатели, где все дети лежали в психушках на психотропных препаратах, на полиграфе проверили только несколько воспитателей, они все уже вернулись к своей деятельности и, в общем-то, так и работают. А в это время все проверки почему-то направлены на приемных родителей, почему-то начали интересоваться, каково состояние их счета в Пенсионном фонде, в налоговой... и так далее. То есть эти люди чувствуют свою незащищенность.

Нужна какая-то программа защиты свидетелей, чтобы эти преступления расследовать, потому что на местном уровне их просто зажимают, в итоге они уже говорят: "Только нас не трогайте, мы просто хотим дальше жить, больше нам ничего не надо".

У меня в Ивановской области тоже много выпускников, которые рассказывают, что с ними происходило в детстве. 31-летняя девушка рассказывает, что сначала она была изнасилована своим отцом, потом ее поместили в интернат, об этом узнали все, и в итоге какой-то ночной воспитатель воспользовался этим. Естественно, педофил сначала ломал психику ребенка, запугивал ее, и с 3-го класса он ее насиловал. Она готова об этом рассказать, но если у нее будет психолог, если у нее будет достаточная защита. Потому что она понимает, что если... Она и так еле-еле находит ресурсы, чтобы справиться со своей жизненной ситуацией, чтобы жить дальше, а бороться у нее уже ресурсов нет. Поэтому в этом мы должны как-то помочь.

Также у меня какое-то время проживал выпускник иркутского интерната, совершенно замечательный парень, верующий, он очень помогал мне по хозяйству, вообще просто все отдавал. Вдруг в какой-то момент я понимаю, что с ним происходит что-то странное – то ли он пьет, то ли колется... То есть я совершенно потеряла человека из виду в нормальном смысле. Я себе представляю жертву насилия именно так (у меня есть одна фотография, я Елене Борисовне присылала ее): это такой маленький, худой, полупрозрачный человек, такой падший ангел, который вот так сидел у меня на лестнице... Я не могла понять, что происходит. Потом я случайно увидела открытый ноутбук, в котором он пытается высказать свою боль и как-то решить свою проблему на сайте "Батюшка онлайн", где он путаным образом объясняет, что все началось с

детского дома, потом – проблема с наркотиками, затем – работа в клубе и так далее, и тому подобное. И, понимаете, он ничего сам не может с этим сделать, мы не можем ему никаким образом помочь, ему даже сложно об этом начать говорить.

То есть мы должны каким-то образом все-таки сделать так, чтобы эти люди начали говорить, должны им помочь через кого-то. Эта информационная кампания по данному вопросу очень нужна. Например, фонд Анны Межовой тоже работает в этом направлении, чтобы изменить мнение людей, потому что важно донести раннее обращение по вопросам защиты прав ребенка.

Как показывает практика, жестокие случаи изнасилования не внезапны, им, как правило, предшествуют половой интерес к детям и постепенный переход к более извращенным действиям в случае безнаказанности, как в случае с омским ребенком. Поэтому, чтобы оградить детей от этого, очень важны ранняя профилактика данного явления, информационная позиция общества (не замалчивать тему) и ужесточение наказаний не только за изнасилование, но и (в первую очередь) за развратные действия в отношении малолетних и подобные более легкие преступления, предусмотренные статьями Уголовного кодекса.

Как многие здесь говорили, очень важна психологическая реабилитация. В каждом районном центре должен быть хотя бы один специалист, который разбирается именно в этой теме. Это должен быть не обычный психолог (обычный психолог иногда может даже навредить), это должен быть особенный и специально подготовленный специалист. К сожалению, сейчас такой системы в России нет. Количество пострадавших растет, но впоследствии ребенок оказывается наедине со своими проблемами и страхами. Такие дети кричат по ночам, страдают от панических атак, не могут нормально взаимодействовать с людьми, в дальнейшем часто отличаются девиантным поведением, агрессией, и среди жертв насилия (в том числе и в отдаленной перспективе) нередки случаи суицида и суицидальных попыток (и я могу подтвердить, что это происходит). Все это случается потому, что жертвам нужна психологическая реабилитация. И очень важно говорить не только о наказании педофилов, но и о реабилитации жертв.

Фонд Анны Межовой более четырех лет работает в этом направлении, и уже есть определенный опыт. Для того чтобы детям была доступна качественная психологическая поддержка, необходимо в первую очередь подготовить профессиональных специалистов. Да, об этом говорят все. И должна быть какая-то защита этих людей, информационная кампания, чтобы изменить мнение окружающих людей. Лично я предложила бы в доказанных случаях все-таки применять хирургическую кастрацию вместо того, чтобы они были нагрузкой на плечах

налогоплательщиков, как это заведено в Германии и Чехии, где нет рецидивов более 30 лет. Потому что очень часто семья покрывает педофила, как единственного человека, который ее обеспечивает, а они могли бы вернуться к своей обычной деятельности, сажать цветочки и приносить пользу обществу. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Ольга Юрьевна. Обсуждали мы этот вопрос – по поводу хирургической кастрации, но у нас есть закон о психиатрической помощи, который гласит, что не могут применяться методы лечения, которые влекут необратимые последствия. Здесь очень много рисков, потому что фактически это как со смертной казнью: может быть допущена ошибка, которую не исправишь. И, соответственно, поэтому зарекаться никому нельзя. К сожалению, тут возможны эти ошибки, и не восстановишь.

Но относительно химической кастрации как метода лечения нашли неплохой вариант, который позволяет... Будем обсуждать, посмотрим. Опять же надо, чтобы он появился еще, чтобы он начал работать. Спасибо.

Слово предоставляется Петрянину Алексею Владимировичу, профессору кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России. Очень хорошая... Томин Валентин Тимофеевич – потрясающий человек.

А он сейчас...

А.В. ПЕТРЯНИН

Он у нас еще работает.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вы передавайте ему от меня самые наилучшие пожелания.

А.В. ПЕТРЯНИН

Обязательно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Потрясающий человек – умница, смелый!

Тема выступления – "Внутриотраслевые коллизии и пробелы уголовного законодательства в области охраны половой неприкосновенности малолетних".

Подготовиться Александрову Алексею Ивановичу.

Пожалуйста, Алексей Владимирович.

А.В. ПЕТРЯНИН

Спасибо большое за представленную возможность выступить. Разрешите продолжить ту тему, которая была поднята Татьяной Владимировной Кондрашовой. На самом деле уголовный закон сегодня в области противодействия преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность малолетних, наверное, является одним из главных инструментов, который позволит нам все-таки, может быть, не в полном объеме побороть, но снизить уровень преступности. И, для того чтобы это сделать... Хотелось бы высказать идею, которая была высказана еще Чезаре Беккариа: чтобы уголовный закон был эффективным, необходимо делать его понятным для всех. А сегодня он, как конструкции норм, включенных как в главу 18, так и в главу 25, содержит в себе ряд коллизий. Хотелось бы вам их продемонстрировать и, соответственно, предложить варианты их устранения.

Первая проблема, о которой хотелось бы сказать, – это оценка развратных действий, совершенных в отношении лиц, не достигших 12 лет. В принципе сегодня есть примечание к статье 131, которое определяет, что лица, не достигшие этого возраста, находятся в беспомощном состоянии. Мы этого не оспариваем. Но в этой связи возникает проблема. Примечание предлагает нам эти действия оценивать либо по статье 131, либо по статье 132 Уголовного кодекса, но возникает вопрос. Во-первых, конструкции статьи 131 и статьи 132, говоря об их объективной стороне, четко представляют те формы действий, которые ими охватываются, – это классический половой акт, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера. Статья 131 такие действия не охватывает. Да, мы иногда говорим, что возможны не только интеллектуальные развратные действия, но и физические, но они охватывают лишь те формы, которые касаются дотрагиваний до тела ребенка, до половых органов и так далее. То есть проблема в принципе в рамках примечания не раскрыта, и мы сегодня стоим перед вопросом, какую же норму применять. Это во-первых.

Во-вторых. Да, действия совершены. Какую статью вменять – 131-ю или 132-ю? У нас возник только лишь один вариант разрешения (хотя я считаю, что он тоже критичен) – вопрос о половой принадлежности жертвы и субъекта преступления. То есть мы берем за аналогию статьи 131 и 132. Если жертва – девочка, а субъект – мужчина, то мы вменяем 131-ю, если иные вариации по половым признакам, то мы говорим о 132-й. Но это тоже не панацея в решении этого вопроса. И, наверное, здесь было бы более правильным все-таки исключить примечание к статье 131 и в статью 135 включить отдельную часть, часть шестую, и прописать: то же деяние, совершенное в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста. В принципе это показало бы на

унифицированность подхода, но не решило бы существующие как в теории, так и в практике проблемы, потому что правоприменитель в этой области на самом деле испытывает огромные сложности в части оценки этих действий.

Хотел бы сегодня согласиться с мнениями выступающих и отметить, что все-таки вопрос усиления ответственности очень сложный на самом деле, и Елена Борисовна об этом неоднократно говорила в своем выступлении. И давайте посмотрим... Вот вопрос... Небольшая фабула: лицо совершает развратные действия в отношении лица, не достигшего 12 лет, и, допустим, демонстрирует ему порнофотографии, порнофильм с определенными умыслом и целью. То есть мы его действия оцениваем в соответствии с сегодняшними рекомендациями закона по пункту "б" части четвертой статьи 131 либо пункту "б" части четвертой статьи 132 и можем назначить ему наказание вплоть до 20 лет лишения свободы, что в принципе суровее, чем за классическое убийство и даже в принципе соизмеримо с квалифицированным видом убийства. Если мы с вами возьмем весы, эта форма развратных действий равна, например, убийству двух и более лиц. Перекос есть. Я однозначно являюсь приверженцем усиления ответственности. Вы не подумайте, что я пытаюсь тут каким-то образом идти в обратную сторону. Нет, конечно же. Но здесь возникает вопрос ценности: жизнь человека все-таки, наверное, более ценна (может быть, я и неправ), чем, допустим, половая неприкосновенность лиц, не достигших 12 лет.

Еще хотелось бы отметить вопрос опять же внутриотраслевых коллизий, в частности, это касается главы 25. Сегодня эти нормы содержат ряд отягчающих признаков, усиливающих ответственность, но в отличие от главы 18 в данной главе нет деления на такую возрастную категорию, как от 12 до 14 лет. В принципе должна же быть унификация. Мы говорим, что объекты схожи. Причем деяния, которые отражены в главе 25, более общественно опасны, наверное, потому что там два объекта уголовно-правовой охраны (правильно?) в отличие от главы 18, а лиц, не достигших 12 лет, вообще нет.

Но, ознакомившись с рядом норм (статьи 242, 242¹ или 242²), мы видим, что, например, демонстрация этих порноматериалов, которая охватывается диспозициями... Но ведь это же развратные действия, да? То есть мы даже спорить не будем. И в этой связи возникает вопрос: а как тогда их оценивать, если они совершены в отношении лица, не достигшего 12 лет? Конкуренция общей и специальной норм. Причем я считаю, что 135-я является общей нормой, эти нормы являются специальными. Но посмотрите на наказание: статья 242¹ – от трех до 10, статья 242² – от восьми до 15, а если это (а там у нас такой отягчающий признак, как в отношении лица,

не достигшего 14 лет, то есть охватывает и лицо, не достигшее 12 лет) были классические развратные действия, то вплоть до 20 лет лишения свободы.

Такая полярность подходов, наверное, все-таки требует выработки единой политики. И я еще раз повторю, что унификация в этом случае должна быть. То есть, раз мы с вами апробировали и показали эффективность этой возрастной градации (до 12 лет и от 12 до 14 лет), наверное, она должна быть применена и в главе 25 уголовного закона. И, соответственно, в этом случае мы, наверное, должны привести все санкции в одно поле по характеру и степени общественной опасности. Спасибо вам большое за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Алексей Владимирович, будет очень хорошо, если Вы в письменном виде передадите предложения, как Вы видите... Вы это можете сделать в силу Вашего профессионализма. Мы будем признательны.

И хочу обратить внимание, что вообще все эти законы шли с большим трудом. Это была просто огромная... Это отдельный разговор. Наверное, когда-нибудь можно написать историю о том, как все это двигалось. Поэтому естественно, что часть норм – просто результат компромисса. Это примечание в свое время появилось только для того, чтобы добиться (это было, когда это было еще по одной части) хотя бы какой-то дифференциации, разграничения статей 134 и 135. Потому что, к сожалению, когда они были в упрощенной форме, в ситуации, когда пятилетнюю девочку, которую папа (или отчим) насиловал с ее согласия (она же не сопротивлялась), это все шло элементарно по статье 134. Причем были весьма солидные люди в правоохранительных органах (не буду говорить кто), которые придерживались такой точки зрения. Естественно, все это продавить было не очень просто.

Появилось такое примечание – может, не самый лучший вариант сейчас, когда уже дальше развивается законодательство, статьи 134 и 135 тоже уже достаточно хорошо дифференцированы. Может быть, Вы правы, нужно идти по другому пути – от этой нормы, которая была как компромисс, отказаться и прописать... сделать в этой части системным и унифицированным уголовное законодательство.

Я абсолютно с Вами согласна, что именно к уголовному законодательству, к его терминологии, к его унификации мы вправе предъявлять очень большие требования, ибо от этого зависят судьба и репутация конкретного человека, который под это подпадает. Не говоря о том,

что если Уголовный кодекс – грамотный, понятный, фактически является законом, от которого не уйдешь, то он профилактически хорошо работает.

Поэтому ждем Ваших предложений. Будем Вам очень признательны.

Алексей Иванович, Вам слово. Мой коллега-сенатор, профессор, доктор юридических наук, уж в этой сфере, в уголовном законодательстве, очень хорошо разбирающийся.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо.

Действительно, значение проблемы, которой сегодня посвящена наша встреча, трудно переоценить. Мы теряем детей, сгоревших в развлекательных центрах, мы теряем детей – жертв преступлений. И, конечно, повышенное внимание к проблеме защиты детей – это сегодня наша настоящая общая божеская задача. Но решать эту задачу, безусловно, надо очень профессионально и очень системно.

В течение ряда лет в Совете Федерации ведется работа по разработке концепции уголовной политики, отношения власти к преступности. И мы пришли к выводу, что нам очень не хватает системности, научности, определенности и стабильности законодательства. И Елена Борисовна говорит, в каких трудных условиях часто приходится заниматься каким-то конкретным блоком законодательства, что зачастую становится противоречием или какими-то недоработками в отношении этой системности, мы получаем эти противоречия. И когда сегодня наши специалисты в области материального права... Сегодня вообще блестящие выступления! Я, например, с большим удовольствием, интересом слушал выступления всех участников наших слушаний.

Только что Следственный комитет возбудил уголовное дело – привлекается к уголовной ответственности человек, который фотографировал четырехлетнюю обнаженную девочку, и этот факт ему вменяется как преступление, за которое предусмотрено наказание от 12 до 20 лет лишения свободы. А изнасилование и убийство у нас зачастую квалифицируются... и наказание предлагается гораздо менее суровое, чем 20 лет лишения свободы. То есть, конечно, все эти вещи нуждаются в анализе, все-таки исходя из того, что для нас главный принцип – это неотвратимость. Чтобы мы не увлекались жесткостью или, как мы говорим иногда, жестокостью наказания и не заменили этими жесткостью и жестокостью неотвратимость.

Поэтому первый вопрос, который здесь сегодня чрезвычайно важен, – это так называемая уголовно-правовая политика. То есть привести Уголовный кодекс в отношении защиты детей и их

половой неприкосновенности в соответствие, чтобы там были жесткие, строгие наказания за совершение преступлений, чтобы мы защищали наших детей от преступлений, тяжких преступлений, опасных преступлений, но чтобы это было в системе, чтобы это было понятно не только правоохранительным органам и правоприменительным, но чтобы это было в принципе правильно.

Но, с моей точки зрения, еще большее значение имеет так называемая уголовно-превентивная политика. Чудовищные же вещи происходят! Мы сегодня вспомнили этот челябинский интернат. Вы представляете себе, до сих пор идут какие-то там споры, до сих пор какие-то должностные лица Челябинской области пытаются препятствовать быстрому, жесткому расследованию этого преступления, когда должностные лица администрации Челябинской области... А директор этого детского дома, этого интерната – это должностное лицо, он продавал детей маньякам, получая за это деньги, и пытается защищаться тем, что якобы приемные родители, что-то... То есть целая организованная преступная группа – чудовищная! Чем это лучше кемеровской трагедии? Только если по Кемерову у нас еще нет доказательств, что это умышленное убийство детей, то в Челябинске эти доказательства на столе лежат. Поэтому, конечно, статус уголовно-превентивной политики должен быть особенным образом сейчас поднят в стране вообще и по этим делам в особенности.

Что касается того, кто за это будет отвечать. Безусловно, к этому имеет отношение прежде всего прокуратура. Закон возлагает на Генерального прокурора ответственность за координацию деятельности правоохранительных органов, и в данном случае не только правоохранительных. Прежде всего, конечно, МВД, но это и министерство образования, и Министерство здравоохранения.

Очень большое значение имеет, конечно, психиатрическая помощь. Мы в большом долгу перед психиатрической помощью в Российской Федерации. Вы помните, как мы разрушали психдиспансеры, как мы разрушили в свое время достаточно серьезную работу участковых инспекторов, лиц, которые должны были выявлять психически больных.

Я считаю, совершенно очевидно, что педофилы – это люди нездоровые, и выявлять их, предупреждать их общение с детьми – это обязанность государства. Есть огромное количество возможностей для этого – прежде всего необходимо выявлять лиц, которые имеют нездоровое влечение к работе с детьми. Это работники интернатов, детских домов, всяких спортивных, тренерских организаций, других организаций, куда приходят люди, за очень маленькую зарплату

там работают, не только мужчины, но иногда и женщины, которые имеют к этой работе совсем другой интерес, чем нравственное и правильное воспитание наших детей. И выявлять их, безусловно, должны государственные органы, в том числе МВД оперативным путем. Я убежден, что все эти нянечки и уборщицы многое могли бы рассказать оперативным работникам уголовного розыска, если бы уголовный розыск проявлял к этому гораздо большее внимание, чем проявляет. И они должны были бы выявить все эти "ночные приключения" в этих интернатах и детских домах с помощью специальной профессиональной работы. Безусловно, нам нужен статус этой работы каким-то образом поднять и поддержать ее.

Что касается психиатрической помощи... Дело в том, что огромное количество педофилов сами, если так можно выразиться, страдают от своего заболевания и понимают, что они этим больны. И, если бы мы организовали им некую медицинскую помощь с применением препаратов, которые бы ослабили их сексуальное влечение, которые бы еще какие-то вещи сделали в отношении них, очень многие, возможно, отказались бы от своего преступного умысла. Тем более что они понимают и осознают, какое горе они приносят детям, родителям и самим себе.

Очень часто, кстати говоря, педофилы и сексуальные маньяки потом раскаиваются, после совершения преступления, дают себе слово, что они больше никогда в жизни этого делать не будут. Проходит время – и они опять...

Сколько я этих дел расследовал, сколько я работал по этим делам – это огромное количество людей. Это больные, несчастные люди, которые наносят нам страшный вред и создают опасность. Выявить их очень трудно, особенно маньяков, которые зачастую имеют приличные семьи, но раз в жизни систематически он надевает "черную одежду"... Был один заслуженный артист РСФСР, внешне очень приличный человек, имеющий семью, которому нужно было раз в три месяца совершать тяжкие преступления. И, пока его не поймали с большим трудом, он совершал преступления. Такие вещи, конечно, тоже надо каким-то образом профилировать с помощью медицины.

Ну и парламентский контроль. Третье, о чем я хотел бы сказать, – это парламентский, общественный контроль, прокурорский надзор. Нужно, чтобы был какой-то центр, какой-то депутатский контроль, чтобы люди знали, куда обратиться, и чтобы группа депутатов в парламенте страны, не только в Совете Федерации, но и в Госдуме... Вот Елена Борисовна взяла на себя такой труд, и она много лет этим занимается. И люди знают, что с ее именем связаны эта

борьба и эта проблема. Но нужно, чтобы такие люди были в каждом регионе и в каждом региональном парламенте.

Ну и последнее (два слова буквально). Я полностью поддерживаю, что недопустимо (и не только, кстати говоря, по половым преступлениям, а это в принципе недопустимо с точки зрения уголовного процесса), когда вчера было совершено преступление, а сегодня уже на первом или на втором, или на пятом канале в прямом эфире ведутся расследование и "судебное рассмотрение", они собирают людей (это же безумно дорого!) со всей страны, допрашивают, снимают все это на видеокамеры, потом показывают. Это вообще кошмар! Наши учителя в уголовном процессе нас учили, что это вообще недопустимо, это влияет на объективность расследования дела, это влияет на свидетелей, очевидцев. А уж когда это касается несовершеннолетних, когда закон запрещает даже в открытом судебном заседании рассматривать эти дела, так мы не только ребенка вместе с водой из ванны выплескиваем, мы вообще саму ванну переворачиваем. Поэтому, конечно, все это требует повышенного внимания, но требует, как я уже сказал, обязательно системности, научности, определенности и стабильности. И необходимо создание каких-то центров (центров правовой политики, центра по решению проблемы, которую мы решаем), где бы юристы, врачи, политики и другие специалисты в этом плане, в том числе и профессиональные журналисты, которые понимают, о чем идет речь, все вместе могли бы, конечно, сделать очень много полезного. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Алексей Иванович. Надеемся и на Вашу помощь тоже, как специалиста и в области уголовного права, в работе над этими текстами. Спасибо.

Слово предоставляется Степановой Ольге Юрьевне, преподавателю кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России. Тема – "Основные направления совершенствования механизма уголовно-правовой защиты прав несовершеннолетних в сфере половой свободы и половой неприкосновенности".

Подготовиться Завьяловой.

Пожалуйста, Ольга Юрьевна.

О.Ю. СТЕПАНОВА

Добрый день, уважаемые коллеги! Много чего было сказано, поэтому я вкратце добавлю те основные моменты, которые мы предлагаем внести в уголовный закон, в частности, касаясь так

называемых спецсубъектов – родителей, опекунов, законных представителей и иных лиц, на которых возлагаются обязанности по контролю (надзору) и воспитанию несовершеннолетних.

Здесь уже было многое сказано. Мы считаем, что необходимо ввести квалифицирующий признак в статьи 131, 132, 134, 135 главы 18 Уголовного кодекса и расширить круг данных лиц, не только на которых законом возлагается осуществление контрольных (надзорных) функций, но и на которых они возложены, например, по договору: родитель договорился с няней, которая непосредственно осуществляет контроль за ребенком в отсутствие данного родителя. Сейчас распространены случаи, когда сожители матерей совершают сексуальные действия, в том числе изнасилование, насильственные, сексуальные и развратные действия в отношении маленьких детей, когда мама, например, на работе. Что касается данного момента, конечно, законодатель уделил этому внимание. В статье 63 Уголовного кодекса ответственность повышается, какотягчающее обстоятельство предусматривается совершение преступления родителем, опекуном, законным представителем и так далее.

Однако, как показывает судебно-следственная практика, ужесточения наказания не происходит, а именно на основании данных из архива департамента при Верховном Суде мы можем сказать, что, к примеру, наказание по части третьей статьи 131 Уголовного кодекса по закону в среднем составляет 11 лет лишения свободы. По факту осужденные лица отбывают наказания – восемь-девять лет лишения свободы. Из 199 осужденных в 2017 году по той же части статьи 131 ниже низшего предела наказания получили 15 виновных. К лишению свободы на срок от 15 до 20 лет не приговорено ни одного преступника. На срок от восьми до 10 лет – 100 человек. Соответственно, остальная часть – на срок от пяти до восьми лет и так далее.

По части третьей статьи 132 прослеживается такая же картина. Из 120 человек к наказанию ниже низшего предела приговорены 14 человек, к лишению свободы на срок от восьми до 10 лет – 60 человек, к лишению свободы на срок от 15 до 20 лет – ноль.

Говоря о рецидиве, за который предусмотрено пожизненное лишение свободы, лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, – также ноль. О рецидиве – отдельная картина. В 2017 году таких приговоров – ноль, в 2016 году таких приговоров – один. В 2015 году таких приговоров – ноль. В 2014 году – один. 2012–2013 годы – это ноль.

Соответственно, мы предлагаем внести поправки, как я уже сказала, в статьи и обозначить всех вышеперечисленных лиц, а также добавить "совместно проживающих с несовершеннолетним". Что мы предлагаем под этим понимать? Под совместно проживающими

мы предлагаем понимать лиц, не являющихся полнокровными родителями или неполнокровными родственниками несовершеннолетнего, проживающих совместно с несовершеннолетним и состоящих в браке или сожительствующих (то есть предполагаются фактически брачные отношения)...

Насколько я знаю, сейчас внесена поправка в Семейный кодекс с такими дополнениями, что устанавливается срок совместного проживания и это считается браком.

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Микрофон отключен.)

О.Ю. СТЕПАНОВА

Да, с этим я согласна. Но сожительствующих в данном случае с одним из родителей либо близких родственников, или опекуном, или попечителем несовершеннолетнего также следует привлекать к ответственности и ужесточать ответственность за совершение...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это другое дело, конечно.

О.Ю. СТЕПАНОВА

...преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Здесь же я хочу отметить увеличение случаев, когда насилие, сексуальное насилие в том числе, совершено в отношении детей-инвалидов. По данным ВОЗ, по результатам обзора ВОЗ, вероятность того, что дети-инвалиды становятся жертвами какого-либо вида насилия, в 3,5 раза превышает аналогичный показатель среди детей, не являющихся инвалидами. Это соотношение также в 3,5 раза – в отношении физического насилия и в 3 раза – в отношении сексуального насилия.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, это вопрос, конечно.

О.Ю. СТЕПАНОВА

Свидетельством тому служат случаи, когда в специализированных интернатах те же воспитатели, те же лица, которые убирают данные учреждения, осуществляют сексуальное насилие, потому что ребенок не то что в силу возраста, а в силу своего психического состояния не может понять, что с ним происходит (правильно это, неправильно, улыбается – вроде хорошо, а вроде плохо, вроде больно, а может быть, все это правильно), и не может дать объективную оценку.

Судебно-следственная практика такие преступления (мы здесь ведем речь, конечно, об инвалидности I и II групп) квалифицирует как деяния, совершенные с применением беспомощного состояния. Беспомощность выступает конструктивным признаком статей 131 и 132 Уголовного кодекса. Беспомощность, как мы знаем, в Уголовном кодексе отдельно рассматривается применительно к половым преступлениям, а отдельно – к убийствам, то есть одного и того же критерия здесь нет. Исходя из закрепленных в законе определений беспомощного состояния и инвалидности, уравнивать, к примеру, состояние человека при сильном алкогольном опьянении, когда он не понимает, что с ним происходит, и когда человек (может быть, утрирую) находится в инвалидном кресле абсурдно. Таким образом, считаем целесообразным также ужесточить уголовную ответственность и внести соответствующие квалифицирующие признаки в данные статьи с указанием данных категорий жертв.

Уже касались понятийного аппарата главы 18, что необходимо разъяснить, что же является мужеложством, лесбиянством и иными действиями сексуального характера. В этой связи мы предлагаем судам при рассмотрении дел о половых преступлениях обратить внимание на то, что под половым сношением понимается совершение естественного полового акта между мужчиной и женщиной, под мужеложством – анально-генитальный коитус между лицами мужского пола, под лесбиянством – сексуальный контакт, имитирующий половой акт, между женщинами, совершаемый как с проникновением в естественные полости организма, так и без такового. Под иными действиями сексуального характера понимаются любые другие действия, которые затрагивают интимную сторону жизни потерпевшего лица, включая развратные действия с применением насилия или угрозой его применения, а также понуждение женщиной мужчины к совершению полового акта путем применения насилия или угрозы его применения.

Разграничение и необходимость разъяснения данных понятий приведут к тому, что не будет каких-либо спорных вопросов в правоприменительной практике по применению статей 134 и 135 Уголовного кодекса, что мы будем понимать под развратными действиями, а что мы будем понимать под иными действиями сексуального характера.

Также затрагивался вопрос об Интернете. Сегодня Интернет, как правильно сказала Елена Борисовна, – один из способов совершения преступлений в отношении несовершеннолетних, в частности и сексуального характера. Мы занимаем вторую позицию по распространению в Интернете детской порнографии после Соединенных Штатов Америки. Это уже серьезный показатель. И в связи с этим предлагаем также ряд изменений.

Например, в Федеральном законе от 29 декабря 2010 года № 436 (редакция от 1 мая 2017 года) "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" указано, что органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию. Среди подобной информации в том числе упомянута та, которая пропагандирует нетрадиционные сексуальные отношения. Нетрадиционными сексуальными отношениями принято считать гомосексуализм, лесбиянство и бисексуальность. Интимные отношения между совершеннолетним и несовершеннолетним как таковые в этот перечень не включены, следовательно, возникает необходимость самостоятельного обозначения данной позиции.

В этой связи считаем целесообразным предложить внесение изменения в часть 1 статьи 5 федерального закона, изложив пункт 4 в следующей редакции: отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения, в том числе сексуальные отношения с детьми, и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи. Часть первую статьи 135 Уголовного кодекса в связи с этим мы предлагаем дополнить следующей фразой: либо совершенное с применением средств связи и (или) информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Здесь необходимо рекомендовать Пленуму Верховного Суда своим постановлением разъяснить, что данные действия могут выражаться в виде электронной переписки, передачи изображений, графиков, картинок, комиксов с обнаженными участками тела, использоваться для демонстрации сцен порнографического характера, это также их онлайн-трансляции и иные способы виртуального общения на тему сексуальных сношений. Здесь мы говорим о том, что, грубо говоря, виртуальный секс пора приравнивать к реальному, потому что эта проблема уже насущна. Однако в выделении специального особо квалифицирующего признака в статье 135, как предлагалось сделать это частью третьей, мы не видим смысла, потому что если приравнивать виртуальность к реальности, то давайте тогда внесем соответствующее дополнение в часть первую статьи 135.

Немного коснусь наказания. Уже было отмечено Еленой Борисовной возникновение конкуренции нормативных предписаний – ограничения свободы и административного надзора. Вообще, ограничение свободы как дополнительный вид наказания и административный надзор дублируют друг друга. Административный надзор в связи с законом о назначении административного надзора предусматривает те же меры, что и ограничение свободы, только

регулирование разное – уголовно-правовое и административное. В связи с этим законодатель попытался урегулировать данный вопрос и сгладить это, что административный надзор назначается после того, как человек будет отбывать наказание в виде ограничения свободы (в качестве дополнительного), то есть закончился срок отбывания ограничения свободы и мы назначаем административный надзор. Хорошо. Кто будет это исполнять? Как это будет исполняться? Эти вопросы остались за гранью рассмотрения.

Также, по мнению законодателя, следует обращать внимание на то, что рецидивисту по примеру части пятой статьи 131 ограничение свободы как дополнительный вид наказания назначать нецелесообразно. Уголовный кодекс у нас не предусматривает в части пятой назначение ограничения свободы как обязательного дополнительного вида наказания. В этой связи мы также предлагаем устранить данную коллизию, ввести пожизненный административный надзор за данными лицами, в том числе и за рецидивистами, и исключить из статей ограничение свободы как дополнительный вид уголовного наказания.

Также отмечу, что по нормам (их очень много), регулиующим сексуальные отношения (многие, может быть, со мной согласятся, а может, нет), сексуальные преступления, половые преступления действительно немножко разнятся. Сексуальные преступления – это порнография, половые преступления непосредственно касаются пола. И многие профессора, когда я выступаю по защите своей работы, говорят мне: "Обрати на это внимание". Однако в главе 18 статья 133 является мертвой. Мы исходим из данных, которые получаем в судебном департаменте. Осуждено максимум два-три человека в год. За 2015–2016 годы был осужден один человек. Тоже следует обратить на это внимание. Хотя понуждение к вступлению в половую связь имеет место быть, в том числе и через сеть Интернет. Спасибо за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Может быть, не мертвая, а как раз очень хорошо работает профилактически и предупреждает? Спасибо Вам большое. Если Вы еще и письменно предоставите свои предложения, будет замечательно. Идея относительно того, чтобы отказаться от ограничения свободы, а лучше – административный надзор, может быть, решает многое. Мы обязательно обсудим это предложение. Направьте в письменном виде, это будет очень интересно. Но, правда, статью 133 (там четыре части) мы очень серьезно переделываем.

О.Ю. СТЕПАНОВА

(Микрофон отключен.) Но там нет разграничения, только в отношении совершеннолетних... Мы учитываем любой возраст по логике...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мы разделяем возраст, опять же вводим относительного того, кто совершает – родители и так далее. Ну, посмотрим, будем потом обсуждать. Спасибо Вам большое.

Слово предоставляется Завьяловой Наталье Борисовне, директору ГБУ города Москвы "Кризисный центр помощи женщинам и детям". Тема выступления – "Реализация программы профилактики жестокого обращения "Безопасное детство" Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы". Пожалуйста.

Подготовиться записавшейся Ковалёвой Анастасии Викторовне.

Еще трое выступающих, поэтому очень большая просьба придерживаться регламента, чтобы дать возможность всем выступить.

Н.Б. ЗАВЬЯЛОВА

Спасибо, Елена Борисовна.

Уважаемые коллеги! Я постараюсь очень быстро, понимая, что многое уже было сказано. Я хочу представить опыт города Москвы в рамках этой табуированной проблемы.

Во-первых, я являюсь директором Кризисного центра помощи женщинам и детям, где мы помогаем женщинам и женщинам с детьми, которые пострадали от психофизического насилия. Мы оказываем стационарную помощь. У нас есть так называемое убежище, от двух до четырех месяцев москвички могут жить у нас вместе с детьми. Но большую работу мы проводим именно в части оказания услуг в полустационарной форме, а именно психологической и юридической помощи.

Нашему центру уже четыре года, и, когда в первый год работы к нам стали попадать женщины с детьми, так сказать, побитыми, наша психологическая служба установила, что, оказывается, среди детей этих женщин, этих семей есть дети, которые пострадали именно от сексуального насилия. И мы через полгода работы нашего центра вместе с Департаментом труда и социальной защиты населения города Москвы разработали городскую программу "Безопасное детство", чтобы наш центр был таким координатором всех случаев, которые происходят именно в городе Москве.

Что для этого мы сделали? Мы подписали соглашение с Главным следственным управлением Следственного комитета по городу Москве и нашим департаментом о защите прав и

законных интересов несовершеннолетних потерпевших от сексуальных посягательств. Внедрили в четырех центрах комнаты Гизелла, где следователи проводили допросы с детьми, пострадавшими от сексуального насилия, с помощью наших специально обученных психологов.

Но я скажу вам честно, что, к сожалению, со стороны Следственного комитета у нас эта программа пошла очень медленно. Они не желали (лично ко мне в центр приезжали, наверное, только пять раз) проводить допросы, потому что велись фиксированные видеозапись, аудиозапись, наши психологи, естественно, ограничивали время проведения допросов. И самая главная причина – это частая смена сотрудников Следственного комитета, текучка кадров там конкретная.

В этом году мы эту программу доработали, включили в нее все организации поддержки семьи и детства, комиссии по делам несовершеннолетних, полицию и профильные некоммерческие организации и выделили, что сегодня основная цель этой программы – это совершенствование городской многоуровневой системы профилактики насилия и жестокого обращения в семье и, как следствие, снижение количества случаев семейного насилия.

Наш центр, соответственно, и Департамент труда и социальной защиты населения имеют соглашения со всеми профильными департаментами (образования, здравоохранения), как я уже говорила, с управлением МВД по городу Москве, не только Следственного комитета, для того чтобы вся статистика стекалась к нам. И помощь, которая от нас требуется, поскольку мы на сегодняшний день (и сегодня эту тему поднимали и Валентина Федоровна, и Татьяна Владимировна Кондрашова) обучили 50 специалистов... конечно, это психологи, которые могут работать именно с этой проблемой, потому что сегодня важна профессиональная компетентность специалистов в области выявления и оказания помощи пострадавшим от насилия и детям, и женщинам. Они прошли такое обучение в нашем институте дополнительного образования.

И я сегодня услышала очень много интересных людей. Обязательно раздам визитки, мы будем их приглашать. Потому что у нас это обучение – не какое-то повышение квалификации (42 часа и так далее), а именно переподготовка полгода, и мы будем набирать и далее эти группы.

Для чего это нужно? В каждом округе города Москвы теперь есть специалист, который отвечает за случаи жестокого обращения, соответственно, в каждом округе есть и психологи, которые с этой проблемой работают. Я хочу сказать, что мы их обучали по программе, составленной на основе успешных практик и лучшего опыта как государственных, так и некоммерческих организаций. Сегодня (я представила вам) разработана листовка с телефонами "горячих линий", телефонами доверия для жителей города Москвы. На базе нашего центра мы

создали методическое объединение, где постоянно работаем со случаями жестокого обращения (мы называем это еще консилиумом). И сейчас в разработке находится информационно-справочный сайт "Не одна", адресованный тем, кто столкнулся с проблемой насилия.

Татьяна Владимировна, спросила (мне понравилось): "А какие есть программы профилактики, воспитания в семье?" Мы тоже пошли от этого. Учитывая, что мы работаем с женщинами и детьми, главной проблемой стала все-таки работа с мужчинами, потому что насилие, как правило, исходит именно от них. В позапрошлом году мы открыли группу "О чем молчат мужчины?", где работают наши психотерапевты и психологи. Есть у нас школа для пап и программа "А мой папа в декрете". То есть мы стараемся показать положительный опыт отца в семье. Помимо этого мы привлекаем еще и успешных в семейных отношениях мужчин, потому что, как правило, мужчины – обидчики, и они не приходят в наш кризисный центр, их приводит женщина, которая хочет сохранить семью, и наши психотерапевты и психологи с ними работают. Случаи, когда они обращаются сами, редки. Да, 60 процентов – это те, кто или сам испытал насилие в своей семье, или видел, как папа обращается с мамой.

Заканчивая, Елена Борисовна, я сейчас перечислю наши предложения в проект и отдам их в письменном виде.

Первое – разработка положений, поправок в законодательство, делающих бессрочной судимость за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и обеспечивающих постоянный контроль за жизнедеятельностью осужденных за такие преступления.

Второе – обеспечение прохождения обязательного психологического тестирования по требованию трудового законодательства как основание допуска к работе с детьми. Учитывая, что мы – учреждение, которое работает с детьми, любая уборщица, любой повар, буфетчик у нас проходят такое тестирование. Раньше это требовалось, только если приходит педагог, или психолог, или заведующий каким-либо отделением.

Третье – закрепление в семейном законодательстве ограничений для лиц, не состоящих в зарегистрированном браке, за исключением близких родственников, в праве быть усыновителями, опекунами, попечителями. Приоритет должен быть закреплен за лицами обоих полов, состоящих в зарегистрированном браке.

Четвертое – распространение правил о наличии разницы в возрасте при усыновлении (удочерении) на отчимов или мачех.

Пятое – установление приоритета при усыновлении для лиц обоих полов, имеющих родных детей.

Шестое – установление обязательного требования – прохождения школы, подготовки лицами, желающими принять детей на воспитание, всеми без исключения с обязательным прохождением психологического тестирования на определение степени родительской компетентности.

Седьмое – учет в обязательном порядке органами опеки и попечительства, судом при установлении усыновления, опеки, попечительства результатов психологического тестирования гражданина на определение степени родительской компетентности.

Ну и, наконец, восьмое – закрепление на законодательном уровне требований проведения допроса несовершеннолетнего в доброжелательных к нему условиях для исключения повторного травмирования пострадавших от сексуального насилия при раскрытии преступления (в настоящее время проведение допросов в доброжелательных условиях носит рекомендательный характер) и обязательного проведения видеозаписи допроса, чтобы исключить повторные допросы, которые заставляют ребенка вновь переживать тяжелую ситуацию. Также видеозапись позволяет привлекать экспертов разного уровня и оценить качество допроса, что, к сожалению, наш Следственный комитет не приемлет. Ну и необходимо закрепить обязательно на законодательном уровне требование предоставления психолога несовершеннолетнему после проведения допроса для восстановления психоэмоционального состояния. По нашему опыту, как правило, приводит ребенка мама и сама приходит, а потом бросает – и в результате ребенок все равно травмирован. Спасибо большое за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Наталья Борисовна, спасибо. Будет очень хорошо, если Вы дадите предложения в письменном или электронном виде. Интересны ваши предложения относительно того, чтобы отменить институт снятия или погашения судимости, мы в этом направлении не думали, может быть, и правда... Но нам начнут говорить, что Конституция... Сверим, потому что на самом деле Конституция не есть фетиш, она же и допускает ограничение федеральным законом конституционных прав, но я не уверена, что там нельзя, по судимости нет такого, по этой категории.

Я бы Вас пригласила экспертом в нашу временную комиссию и в экспертный совет по совершенствованию предложений в Семейный кодекс, потому что все, что касается усыновления,

в Семейный кодекс... Да, есть тоже меры профилактики и применительно к той теме, о которой мы говорим, но у нас есть отдельная группа, и я на следующей неделе буду туда готовить актуальные предложения. Я предлагаю Вам в нашу группу войти экспертом, тем более Вы в Москве, проблем нет. Центр интересный, и опыт у Вас интересный. Просто если Вы не против, подойдите (вот моя помощница Валентина Сергеевна) к Валентине Сергеевне и оставьте свои координаты, потому что официально надо включить Вас в состав. Спасибо.

Пожалуйста, Ковалёва Анастасия Викторовна, сопредседатель Всероссийской общественной организации "Союз добровольцев России". Замечательная организация.

Подготовиться Беляевой Ларисе Ивановне.

Пожалуйста.

А.В. КОВАЛЁВА

Добрый день! Я постараюсь коротко. Несмотря на то что тема у нас очень эмоциональная, я отойду сейчас от эмоций и пройду тезисно по тексту.

Многие боятся обнаружить насилие, это так. Мы, родители, боимся, психологи боятся, и уже не раз затрагивалась тема о том, что уровень компетентности этих психологов оставляет желать лучшего. Да, Москва может себе позволить переобучение и прочее. Но стоит от Москвы, простите, на 200 километров отъехать – там не то что кризисного психолога, там обычного психолога днем с огнем не сыщешь. Это большая беда, и нам как-то тоже в этом направлении надо подумать над тем, чтобы обучать, может быть, на вебинарах, может быть, еще как-то, но нам надо помочь. Действительно, психологи из регионов обращаются и говорят: "Я боюсь... Я что-то подозреваю, но я боюсь..." Это первый момент.

Второе – что касается профилактики. Хотелось бы тоже остановиться на таких опасных мифах, о которых мы забываем. Первый миф. Для начала мы все думаем, что насильники – это некие такие неизвестные люди, которые где-то подстерегут, нападут и прочее. Нет, как правило, большой процент насильников – это те, кто имеет прямой доступ к ребенку, имеет прямой контакт и, собственно, с ним взаимодействует, не важно, близкий родственник, сожитель или учитель – тот человек, которому ребенок доверяет и имеет возможность с ним общаться.

Второй, тоже опасный, миф – о том, что в большинстве случаев насилию подвержены девочки. Как правило, нет. Опять же большое количество – это мальчики, потому что девочка хоть раз в жизни своей слышала некое предупреждение – "не задерживайся надолго", "надевай юбку подлиннее", еще что-то, то есть девочку мы изначально все равно готовим и предупреждаем. С

мальчиком таких бесед никто никогда не ведет. Это я перехожу уже к вопросу родительской компетентности и профилактики. Родителей тоже надо учить подходить к этой теме, родители боятся этой темы. На собраниях тоже всё... Моей дочери 12 лет – переходный возраст. И все как-то стараются отстраниться от этой темы, все боятся, все мы думаем: когда произойдет, тогда и будем говорить. На самом деле говорить надо уже, вот что-то меняется – надо уже говорить, чтобы не казалось, что эта тема какая-то запретная, постыдная и так далее. То есть родители тоже должны учиться общаться с детьми, и должны быть какие-то эффективные и апробированные методы, и они тоже есть в ряде регионов (в Санкт-Петербурге есть, точно знаю, в Москве есть ряд методов). Поэтому, может быть, эти методики тоже надо как-то транслировать, для того чтобы хотя бы, может быть, в школах на родительских собраниях дать этот инструмент родителю, потому что родитель – нам союзник здесь, он же имеет прямое отношение и прямой доступ к ребенку.

Опять же глубоко поддерживаю предложение о включении в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления сожителем, проживающим с матерью. Плюс ко всему недавно, в ноябре, мы проводили заседание аналогичной группы в Общественной палате, и среди прочих было предложение запретить вступать в повторный брак матери, имеющей несовершеннолетнего ребенка, без согласия органа опеки. А уж случаи согласия органа опеки, я думаю, можно разработать. Как минимум должны проверить этого папу на судимость, несудимость и прочее. Такое предложение звучало, я его тоже озвучиваю.

Следующий момент, тоже очень важный. О том, что делать с совершеннолетними насильниками, мы прекрасно знаем (Уголовный кодекс тут – пожалуйста, инструмент в наших руках). А что делать с несовершеннолетними? У меня только с начала этого года большое количество обращений, когда 10-летний мальчик в больнице насилует четырехлетнего мальчика, в детских садах есть случаи, в детских домах. Что делать с несовершеннолетними насильниками? Они не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности. И, когда у нас и на одной чаше весов, и на другой – несовершеннолетние, мы тоже теряемся, мы тоже не знаем, что делать. И это большая проблема.

И еще хотелось коснуться темы административного надзора. На одном из совещаний на прямой вопрос представителю органа административного надзора про браслеты, которые позволяют нам фиксировать, насколько близко подходит насильник, ну, педофил, осужденный человек, к местам, где находятся дети, мне ответили, что это очень дорого стоит и, собственно, не

очень активно внедряется. На это опять же мы, родители, предложили следующее: давайте эти браслеты будут за счет самого осужденного. Ну, почему нельзя как-то эту тему проработать и вменить?.. Выходит он – пожалуйста, браслет. Не может государство обеспечить – давайте возложим эту обязанность на него.

Теперь еще два небольших момента, отступления. Хотелось бы немножечко унифицировать и федерализировать следующее. Во всех субъектах должны быть приняты приказы аналогичные тому, который есть в департаменте соцзащиты Москвы – № 745 от 4 июля 2016 года (о дополнительных мерах...), возлагающие функцию контроля на конкретное лицо, должностное лицо органа исполнительной власти, и предполагающие дополнительные требования к кадровому составу, для обеспечения кадрового состава. То есть обязательно должны быть справка о несудимости, медкнижка, потому что не во всех регионах, к сожалению, это требование соблюдается. И вроде, казалось бы, это обычная история – почему нельзя это федерализировать?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Что Вы предлагаете? Как федерализировать? В законе есть, и в Трудовом кодексе есть, и в Семейном кодексе все есть.

А.В. КОВАЛЁВА

Не везде. Москва приняла локальный акт, где определено конкретное должностное лицо, которое будет отвечать за это требование – чтобы принимались люди со справками о несудимости и с медкнижкой на те должности, которые предполагают доступ к детям. Это не обязательно учителя и воспитатели.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это есть.

А.В. КОВАЛЁВА

И последний момент – это видеокамеры. Не все дома и дома-интернаты у нас оснащены видеокамерами. Все-таки, может быть, это тоже как-то унифицировать? Потому что где-то видеозапись ведется, где-то не ведется, где-то много "слепых" зон, где-то ведется, но без звука (это тоже затрудняет в последующем следственную работу). Над этим вопросом, я думаю, тоже стоит подумать и проработать его уже в дальнейшем. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Я могу сказать, Анастасия Викторовна, относительно того, что информировать надо прежде всего родителей, как такие вопросы поднимать перед детьми, как это все сделать

корректнее. Вообще, работать с детьми через родителей, не минуя их, не отстраняя, – это наиболее корректный путь, наиболее близкий путь к ребенку. То, что родители не всегда обладают достаточной информацией, чего бояться, как избежать какой-то проблемы, – это тоже правда. Много же молодых родителей. Это с опытом, с возрастом ряд вещей становится тебе более понятным, а молодым, конечно, это сложно. Но именно через родителей, не минуя их, – это очень хороший путь.

Я не уверена, что нужно так много психологов на всю страну. Тут тоже есть определенная опасность, связанная с тем, что психологи просто начнут подменять следователей (ведь речь-то идет о преступлениях) и полицию. А вот иметь какие-то хорошие центры профессиональных психологов, которых можно было бы пригласить, – да. Ведь надо учитывать, что все-таки, хотя мы этой темой занимаемся и говорим о преступности, не предполагается, что нам надо всю страну "накрывать" армией психологов. Достаточно нескольких хороших, сильных центров, где работают действительно профессиональные, грамотные психологи, которые способны с этой проблемой справиться, их будет вполне достаточно. И следователь, и судья всегда пригласят и воспользуются такой возможностью.

А.В. КОВАЛЁВА

(Микрофон отключен.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, но в законе эту возможность и обязательное участие психологов, как здесь звучало, надо прописывать. Поступило предложение в части видеозаписи и аудиозаписи, сейчас мы это попытались прописать. Посмотрим, как это будет...

Интересные предложения. Направляйте их в письменном виде.

А вот несовершеннолетние насильники – это вопрос. Вообще-то, у нас по ряду статей, которые входят в эту группу, несовершеннолетние, достигшие возраста 16 лет, привлекаются к уголовной ответственности. *(Оживление в зале.)* А статья 135... А по ряду... Но есть еще моложе... Вы здесь правы. И вопрос о том, чтобы снизить возраст привлечения к уголовной ответственности, давно витает. Но у меня нет уверенности, что это путь, потому что это скорее следствие того, что... разврата некоторого уже... *(Оживление в зале.)*

С МЕСТА

(Микрофон отключен.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но у нас есть уголовно-правовой механизм – это принудительные меры воспитательного воздействия к детям, которые не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности, а совершили соответствующие уголовно наказуемые деяния, и закрытые учреждения такого рода. Но мы тоже упираемся в то, каковы там воспитание и перевоспитание этих детей. Это же закрытые учреждения, там тоже достаточно много проблем. Но тем не менее с этим тоже надо работать. Так что механизм-то есть, но им не всегда пользуются. Но вопрос Вы ставите серьезный. Давайте письменные предложения, будем вместе искать пути его решения. Нет такого четкого ответа. Спасибо.

Беляева Лариса Ивановна, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук. Пожалуйста, Вам слово. Вы у нас неоднократно прекрасно выступали, Вы замечательный специалист. Я очень рада Вас видеть. Надеюсь, Вы тоже передадите нам свои предложения в письменном виде.

И подготовиться (это будет наш последний выступающий) Разгильдиеву Бяширу Тагировичу.

Пожалуйста, Лариса Ивановна.

Л.И. БЕЛЯЕВА

Я благодарю за предоставленное слово. И так получилось, что теперь я начинаю не с начала, а с конца.

Вы говорите о том, что несовершеннолетние насильники – это вопрос. Да нет, это ответ всем. Ведь дети живут не своей, детской жизнью, они живут взрослой жизнью, той, какую они видят и представляют себе. Включите телевизор, откройте газеты, и вы увидите, какая там взрослая жизнь. И они вам ее предлагают, они отвечают, они живут так же, как живете вы, взрослые. Посмотрите на себя.

В основе поведения человека, мы все знаем, лежит вовсе не право, и уж тем более не уголовное. В основе поведения человека лежит нравственность. И если мы видим вот такую жизнь, то мы должны задуматься не столько о том, как переписывать нам уголовное право, сколько о том, как нам изменить жизнь, что нам с ней сделать. И правопослушного человека воспитаем не мы с вами, юристы, забудьте об этом, это сделают завклубами и учителя, если они у нас будут, конечно. Но, к сожалению, мы такого резерва не имеем и имеем сейчас то, что имеем.

Теперь – возраст уголовной ответственности. Уж сколько лет идет речь о том, что надо понижать, понижать возраст уголовной ответственности (нет возможности долго рассказывать)...

Понижая возраст, мы перекладываем свою ответственность за то, что произошло, на плечи ребенка: вот он пусть теперь и отвечает. Это первое.

Второе. Наступление уголовной ответственности с 12 лет в нашей истории уже было. И было не только наступление уголовной ответственности с 12 лет – было привлечение несовершеннолетних к ответственности "судом-тройкой", были расстрелы несовершеннолетних. Разговоры о понижении возраста уголовной ответственности вообще должны быть прекращены. Ребенок не должен рассматриваться с этой позиции. Нужно посмотреть, что общество, государство делает не так, если они совершают правонарушения в таком раннем возрасте. В противном случае мы вернемся к тому, что уже было.

Евсей Ширвиндт писал: "Наша карательная политика..." И мы неизбежно к ней придем, если станем расправляться с нашими детьми. То, что они делают, безобразно. То, что они делают, недопустимо. Мы можем лить слезы, бить во все колокола, но переносить свою ответственность за несостоятельность общества и государства на плечи ребенка преступно!

Здесь говорили о том, что дети, которые являются потерпевшими, не чувствуют себя защищенными. А вы можете назвать гражданина, который чувствует себя защищенным с точки зрения уголовного закона? И никто не виноват. Законодатель этого и не хочет.

Почему я так говорю? Откроем Уголовный кодекс. Что такое уголовная ответственность? Ну, правоприменитель, ученые расскажут. А ведь это уголовная ответственность, значит, законодатель должен сказать, что он имеет в виду под этим. Начало, окончание... Но это еще не все. Знаем, когда устанавливается уголовная ответственность, уголовная ответственность несовершеннолетних. Вопрос: а для чего уголовная ответственность устанавливается? Каковы цели ее? Законодатель этого не сказал. Но если бы он сказал... *(Оживление в зале.)*

РЕПЛИКА

Как это не сказал?!

Е.Б. МИЗУЛИНА

Тихо-тихо, давайте не будем сейчас.

Л.И. БЕЛЯЕВА

Уголовная ответственность может быть с назначением наказания и без назначения. И уголовная ответственность по отношению к наказанию – более общее явление. Но законодатель этого не сказал. И поэтому все "упражнения"...

Возьмите процесс. Кто там главный герой? Виновный. Потерпевший – даже не герой, он просто действующее лицо, которое вопит, говорит... Не случайно говорят: что ты кричишь, как потерпевший? Он говорит: "Ну, вот я..." – "Иди и иск заявляй, там все решат". Никто там ничего не решит.

И если законодатель будет исходить из того, что преступление – это разновидность правонарушения, а, следовательно, ответственность преследует одну главную, первую цель – восстановление или компенсацию нарушенного права, то вся эта машина будет работать не на виновного, а на потерпевшего, чтобы обеспечить с первого шага восстановление или компенсацию нарушенного права. И судья будет видеть свою задачу не в том, чтобы ему 100 лет дать, а в том, чтобы сначала обеспечить право потерпевшего, а потом уже виновному воздать то, что положено. Но это именно к нашему вопросу. Дело в том, что, казалось бы, частный вопрос...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это к уголовному процессу все-таки относится.

Л.И. БЕЛЯЕВА

Казалось бы, частный вопрос – преступления, которые мы рассматриваем, но это вырастает в большие проблемы, которые не решены.

Кстати говоря, как они будут решены? Все коренные вопросы уголовной политики находятся в Уголовном кодексе, потому что процесс существует лишь потому, что есть Уголовный кодекс. А по поводу Уголовно-исполнительного... Уже написан проект новой редакции Уголовно-исполнительного кодекса, а по поводу Уголовного кодекса еще думаем, что там будет, – переписывать или создавать новую редакцию. А в процесс продолжаем вносить изменения. Где же система, о чем говорили сегодня? Не будем развивать эту тему.

Вопрос о том, что... Вот устанавливаем сроки наказания для того, кто является преступником по отношению к несовершеннолетнему. Зачем нам ему столько лет давать? Что мы хотим вообще получить в результате этого? Чтобы он сидел там всю жизнь? Нет. Уже говорили: мы хотим, чтобы он вышел и вел себя соответствующим образом, жил нормальной жизнью, не являлся источником опасности для окружающих. Дело в том, что все эти запреты, о которых мы говорим, понятны нам с вами, мы говорим на одном языке. Ему это если и понятно, то безразлично. Почему? Потому что мы не понимаем закономерностей его внутренней жизни и поведения. Следовательно, если у нас цель наказания – предупреждение совершения преступлений и вообще если мы хотим обеспечить предупреждение совершения преступлений не

только этим лицом, но и другими, мы должны понять, где у него есть слабое место, где мы можем найти тот рычаг, который позволит приостановить криминальную динамику. И здесь свое слово могут сказать только специалисты – психологи и психиатры. Вот здесь, как мне представляется, требуется серьезное изучение личности этого человека, для того чтобы обнаружить, как он себя демонстрирует, как он себя проявляет, что нам позволяет делать выводы, что именно этот человек может это сделать.

Что нам сделать? Мы хотим предупредить... Как? Именно он нам и скажет, как мы можем предупредить совершение преступлений.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Лариса Ивановна, к сожалению, время истекает. Сейчас зал закрывают, а у нас еще один выступающий.

Л.И. БЕЛЯЕВА

Заканчиваю. И вопрос, касающийся контроля средств массовой информации и так далее. Я представляю себе, что ведь средства массовой информации существуют для общества. Кто может контролировать средства массовой информации? Оно же – общество. И мне представляется, что большую помощь в этом могла бы оказать общественная организация "Всероссийское педагогическое собрание", которая могла бы состоять при Правительстве и делать свои умозаключения относительно средств массовой информации, возможности их воспитательной или антивоспитательной... с тем чтобы можно было каким-то образом все-таки стабилизировать ситуацию в области воспитания. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Лариса Ивановна.

Не совсем с Вами согласна, как обычно. Могу сказать: воспитывают не учителя, а воспитывают прежде всего родители, и зачастую учителя не смогут переломить то, что скопировал ребенок из семьи. Поэтому очень важно информировать, давать возможность обучаться самим родителям, чтобы они, поскольку у детей доверия больше к ним, могли менять свое поведение ради своих детей.

Ну и я не могу с Вами согласиться относительно этого старого подхода, что Уголовный кодекс – основной, а Уголовно-процессуальный его обслуживает. Это все устарело, это не имеет никакого юридического значения. Более того, многократно доказывалось, что даже самый хороший Уголовный кодекс при плохом Уголовно-процессуальном приводит к огромной беде в

обществе. Потому что Уголовный кодекс – это кодекс для преступной части населения, а Уголовно-процессуальный кодекс – это кодекс для тех людей, которые являются невиновными, но в силу предъявляемых к ним обвинений или подозрений оказываются перед судом. Поэтому задача Уголовно-процессуального кодекса двоякая – не только восстановить права потерпевшего и помочь, здесь на стороне потерпевшего выступает государство, оно его замещает. А то, что Вы предлагаете... Вы предлагаете вернуться к той, старой схеме, когда еще уголовный процесс был в зачаточном состоянии, где потерпевший сам наказывал того, кто, он считает, ему причинил вред, сам творил суд. Но это несправедливо. Так вот, на стороне потерпевшего сегодня государство – это и Следственный комитет, и полиция, и прокуратура, то есть масса государственных органов. И если взаимодействия недостаточно, если в законе не хватает чего-то для взаимодействия потерпевшего и прокурора – так давайте такого рода поправки вносить. Вот здесь надо править.

Сегодня мы рассматриваем все-таки и уголовно-процессуальное законодательство (захватываем его), у нас есть ряд предложений, касающихся именно несовершеннолетних потерпевших от этого рода преступлений. Если у вас есть такие предложения – пожалуйста, предоставьте нам их в письменном виде. Мы будем очень признательны за такие поправки в УПК в части защиты прав несовершеннолетних потерпевших. Спасибо Вам огромное.

Последний выступающий – Разгильдиев Бяшир Тагирович, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии. Пожалуйста.

Б.Т. РАЗГИЛЬДИЕВ

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги, дамы и господа! Учитывая, что я, что называется, последний, постараюсь высказать ряд идеологических соображений, но тезисно, по рассматриваемой проблеме, естественно.

Я думаю, когда мы говорим о борьбе с преступностью, в том числе с преступностью, посягающей на половую неприкосновенность несовершеннолетних, мы должны понимать, что в соответствии с Конституцией человек, его права и свободы являются высшей ценностью. И государство, именно государство, государственная власть, обязано обеспечивать эту самую высшую ценность. Но это вовсе не означает, что к преступникам отношение должно меняться в лучшую для них сторону. Вовсе нет. Часть первая статьи 7 "Принцип гуманизма" Уголовного кодекса Российской Федерации констатирует, что уголовное законодательство обеспечивает

безопасность человека. Уголовное законодательство (прошу обратить внимание на это) обеспечивает безопасность человека!

Именно поэтому все лица, совершившие преступления, должны как преступники выявляться, этот факт должен констатироваться (что и представляет собой уголовная ответственность в чистом виде), и в зависимости от общественной опасности этого преступника должен решаться вопрос о назначении наказания и реальном его исполнении – либо об освобождении от уголовной ответственности, либо об условном назначении наказания и так далее.

Так что за основу мы берем что? Что всякое преступление общественно опасно. Частью этой общественной опасности выступает общественная опасность самого преступника, суть которой выражается в том, что лицо угрожает или обладает готовностью к совершению нового преступления. Вот для того, чтобы купировать эту готовность, и требуется назначать наказание. Особенно это характерно для той категории преступников, о которой мы говорим в течение вот уже более трех часов.

Таким образом, уголовный закон решает задачи, первое, по охране личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и, второе, по предупреждению совершения новых преступлений.

Следовательно, когда мы наказываем лицо, мы не караем его. К сожалению, здесь это звучит (как бы это выразить попроще, но пояснее?)... как некая основа наказания. Да нет, конечно. Сам законодатель уже отказался от слова "кара". Если предыдущее уголовное законодательство оперировало этим словом – "кара" (скажем, в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, в статье 20, когда формулировали понятие наказания), то нынешний законодатель вполне обоснованно отказался от этого слова. Потому что идеологически наказание – не кара, наказание – исправление. И, когда мы говорим о сущности наказания, мы имеем в виду, что это лишение лица, совершившего преступление, определенных ценностей (и здесь точку не ставим), для того чтобы исправить его сознание и волю и направить в соответствующее позитивное русло. В этом фишка наказания!

Е.Б. МИЗУЛИНА

Бяшир Тагирович, время, к сожалению, истекает, потому что нам надо освободить зал. Здесь будет следующее мероприятие.

Б.Т. РАЗГИЛЬДИЕВ

Поэтому со всем тем, о чем здесь говорили, я совершенно согласен. С некоторыми моментами я не то что хотел бы поспорить, а хотел бы высказать по поводу них критические замечания.

Когда мы говорим о наказании лиц, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, мы должны понимать, что это наказание должно иметь свои пределы – и нижний, и верхний. Об этом уже говорили. Ни в коем разе это наказание не может быть как по нижнему, так и по верхнему пределу выше наказания, предусмотренного за убийство (части первая и вторая статьи 105 Уголовного кодекса). Почему? Потому что, если оно будет выше, тогда таким образом мы стимулируем в том числе педофила совершить не только деяние, связанное с посягательством на половую неприкосновенность несовершеннолетних, но и то, которое связано с посягательством на жизнь потерпевшего. Потому что ему терять-то нечего – что здесь 20 лет или пожизненное лишение свободы, что там – применительно к убийству. Вот это соотношение, этот аспект – идеологический.

Что касается предупредительных мер, в программе уже речь идет о такой мере ответственности, как заранее не обещанное укрывательство. Там предлагается предусмотреть уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство по такого рода составам преступлений.

Я думаю, что делать это нет никакого резона, нужно просто устранить пробел. В настоящий период времени статья 316 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за заранее не обещанное укрывательство только применительно к особо тяжким преступлениям. Это пробел в законодательстве. Не может быть такого. Человек умышленно противодействует интересам правосудия, и мы говорим: действуй, но только не в отношении особо тяжких преступлений. Нет, конечно. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство надо устанавливать в принципе за все категории преступлений. Ну, поскольку вопрос о преступлениях небольшой тяжести может быть снят в ближайшее время, тогда оставить ответственность за преступления средней тяжести, на мой взгляд, бесспорно, тяжкие и, конечно, особо тяжкие.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошее предложение.

Б.Т. РАЗГИЛЬДИЕВ

Что касается других мер, носящих чисто профилактический характер, но уголовно-правового порядка, то я думаю, что такой вид наказания, как ограничение свободы, не совсем уместен. Мне представляется, было бы правильным институт судимости наполнить содержанием, которое ныне характерно для этого вида наказания – ограничения свободы. Институт судимости для того и существует, чтобы в течение определенного времени обеспечить контроль за поведением освобожденных, в том числе совершивших преступления такого рода. Поэтому у нас остается институт судимости. Лицо, освобождаясь от наказания, любого, а тем более лишения свободы, продолжает оставаться судимым. И в этой связи на него возлагается целый ряд обязанностей, выполнение которых контролируют в том числе правоохранительные структуры. Вот накоротке я на этом хотел бы остановиться. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо Вам большое.

Уважаемые коллеги! У нас выступили 16 человек. Я благодарю всех, кто выступал, за очень интересные выступления. Поступило очень много интересных предложений к проекту рекомендаций до начала (на некоторые здесь вы уже ссылались, я тоже все их прочитала, много дельного), часть поступила по ходу. Будем признательны, если вы до конца следующей недели направите их в письменном виде. Есть очень интересные суждения, над которыми имеет смысл подумать, направленные немного в другую сторону, относительно изменения ряда статей. Спасибо, будем их рассматривать и обсуждать.

Мы планируем издать сборник по результатам парламентских слушаний. Поэтому те, кто выступал, если вы хотите, чтобы туда вошло и то, что не прозвучало в ваших выступлениях, и дадите свои тексты, – пожалуйста, такая возможность есть. Либо стенограмма, но потом вам дадут возможность посмотреть эту часть, с тем чтобы вы сказали, устраивает она вас или нет. Или издадим уже без вашей правки, будет только чисто редакционная.

Еще раз хотела бы всех поблагодарить за участие в сегодняшних парламентских слушаниях. Следите за нашей информацией на странице комитета на сайте Совета Федерации. Мы разместим там рекомендации, как только в конце следующей недели соберется рабочая группа, отработает окончательный текст и комитет их одобрит. Соответственно, мы обязательно разместим рекомендации и будем с ними работать, тем более что до конца весенней сессии, то есть до конца июля, мы должны будем представить тексты законопроектов. Рабочая версия у нас

есть, основные положения мы сегодня докладывали и признательны за ваши предложения. Так что следите за нашей работой. Надеемся на сотрудничество. Будем работать дальше. Спасибо.
